

СТАСИ МЕНЯ

САПРА МЭННИНГ

Хэппи-энд (Neo)

Сарра Мэннинг

Спаси меня

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Мэннинг С.

Спаси меня / С. Мэннинг — «Издательство АСТ»,
2021 — (Хэппи-энд (Neo))

ISBN 978-5-17-139477-6

У Марго нет времени на любовь. Уилл боится любить. И никто из них не собирался влюбляться во Флору: нежную стаффордширскую терьершу с трагическим прошлым, головой размером с футбольный мяч и бездонными карими глазами. Пути Марго и Уилла пересекаются в приюте для собак, где после череды недоразумений они соглашаются взять совместную опеку над Флорой. Уилл думает, что Марго слишком эмоциональная и требовательная, а Марго считает, что Уилл замкнутый, бесчувственный и склонный все контролировать. И они оба правы. Но чем больше хозяева ссорятся, тем хуже ведет себя Флора, и тогда они понимают, что должны заключить хоть какое-то перемирие, чтобы воспитать собаку вместе. Смогут ли они отложить в сторону разногласия, чтобы стать хорошими хозяевами, а возможно, даже друзьями? А, может быть, у Флоры свои планы на новую семью?

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-139477-6

© Мэннинг С., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

1	6
2	10
3	13
4	17
5	22
6	26
7	33
8	37
9	40
10	42
11	47
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Сарра Мэннинг

Спаси меня

© Sarra Manning, 2021

© Школа перевода В. Баканова, 2022

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

* * *

Посвящается

Поющему мопсу Эрику, Монти и Марли, Джинджер и Снупи, Чабсу, Скуби и Луне, Амброзу и Герти, Олли, Тэгу, Хаксли, Орео, Траффлу, Джорджу, Мейбел и Баркли, Бобу, Лоле, Генри, Люси, Реджи, Гарри и Мистеру Бингли, Белле-1, Белле-2, Белле-3, Майло-1 и Майло-2, Шепси, Спайку, Дорис, Гайе, Бенджи, Крекеру, Лоренцо, Ральфу, Вуди, Бисквиту, Розе, Лео, Смити, Фрейе, Денби, Руфусу и всем собакам, которые жили или живут в Масуэлл-Хилл. А особенно – милашке Оскару, уже ушедшему на Радугу, который тоже был собакой в совместном владении.

«Моя собачка, сердце, бьющееся у моих ног».

Эдит Уортон

1

Марго

Марго Миллвуд больше любила кошек, чем собак. К несчастью, никто не потруился объяснить это ее коту Перси.

Похоже, никто не объяснил и бывшему бойфренду Марго, Джорджу, что после двухмесячного расставания им нужно возобновить отношения. Поэтому, когда Джордж пригласил ее выпить после работы в небольшом фешенебельном баре в Кингс-Кросс, Марго нафантазировала себе встречу, плавно перетекающую в ужин, за которым он признается, что, подобно ей самой, изучил предложения на сайтах знакомств и понял: им было не так уж плохо вместе.

Марго жестоко ошиблась. Не успела она сделать первый глоток джина с тоником, как Джордж протянул ей пухлую хозяйственную сумку.

– Я нашел у себя кое-какие твои вещи. Сумку оставь себе. Я тороплюсь. У меня планы на вечер.

– Планы? – удивленно переспросила Марго, заглядывая в сумку. Почти пустой тюбик тонального крема, красные кружевные трусики – она в жизни таких не носила. Так и подмывало отдать их Джорджу, язвительно прокомментировав, но Марго побрезговала взять чужое белье: неизвестно, чистое оно или нет.

– Это не...

– В общем, извини за спешку, – перебил ее Джордж. – Ты наверняка тоже не хочешь вновь обсуждать, почему мы расстались и все такое.

Он торопливо отхлебнул несколько больших глотков модного крафтового лагеря из местной пивоварни.

Марго, никогда не отступавшая перед трудностями, охотно приняла вызов.

– Мы расстались, потому что через два года отношений ты оказался не готов даже поговорить о создании семьи и обрушил на меня это признание в мой тридцать шестой день рождения.

Она поняла, что до сих пор не оправилась от удара.

– Только потому, что во время праздничного ужина ты предложила – нет, потребовала, – чтобы я немедленно сделал тебе ребенка. Я даже меню прочесть не успел, – обиженно произнес Джордж.

В сумочке зазвонил телефон. Марго не стала брать трубку.

– Я не требовала, чтобы ты сделал мне ребенка прямо в тот вечер. Просто сказала, что в тридцать шесть лет не могу принимать свою способность к деторождению как должное, – напомнила собеседнику Марго.

На телефон теперь пришло голосовое сообщение, а Джордж испустил тяжкий и громкий вздох.

– Наши пути разошлись, Марго, что толку ворошить прошлое, у каждого теперь своя жизнь.

Толку действительно никакого. Марго сцепила руки, чтобы не делать угрожающих жестов. Она тоже не хотела ворошить прошлое, просто решила дать Джорджу полезный совет.

– Так вот, когда у тебя появится новая женщина, ты ей сразу скажи, что категорически не хочешь иметь детей. Лучше признаться в самом начале, чем два года морочить ей голову лживыми обещаниями, – бесстрастным, почти не язвительным тоном произнесла Марго.

Телефон вновь зазвонил. Она опять не ответила: Джордж слишком уж старательно прятал глаза.

– У тебя кто-то есть.

Она не спрашивала, а констатировала факт. Джордж кивнул.

– Ну и что? Кто мне запретит? – упрямо заявил он. – Не хочешь ответить на звонок?

– Не волнуйся о моих звонках, – сказала Марго. – Просто не надо вводить людей в заблуждение. К тридцати пяти годам...

– Способность женщины к оплодотворению вдвое сокращается, – подхватил Джордж. – Ты мне это говорила раз пятьсот, не меньше.

Старания Марго так и не возымели желаемого эффекта. Джордж лишь изрекал всякие банальности: что она будет прекрасной матерью, надо просто повременить годик-другой и дожждаться повышения, чтобы купить дом для гипотетической семьи, создавать которую он, как выяснилось, не стремился.

– Я просто советую. Ради твоей новой подруги.

Никто не скажет, что Марго чужда женская солидарность.

– Тебе не стоит об этом переживать, а Кэсси тем более, – сказал Джордж, не осознавая, что выпячивает от гордости грудь, как заживевший голубь.

– Как я понимаю, твоей Кэсси и тридцати нет.

Фальшиво скромная улыбка Джорджа лишь подтвердила очевидное.

– Ей двадцать шесть.

Джорджа ничуть не смущало, что он встречается с девушкой на пятнадцать лет моложе. Скорее, наоборот.

Телефон зазвонил в третий раз – теперь как нельзя более кстати.

– Извини, я должна ответить. Похоже, что-то срочное, – сказала Марго, вставая.

Она схватила кардиган, сумочку и принесенную Джорджем сумку.

– Рада была увидеться. Пока!

Как назло, ручка сумочки зацепилась за спинку стула, и пока Марго ее высвобождала, телефон замолчал, что позволило Джорджу не только сказать последнее слово, но и вынести нелестное суждение о ее характере.

– Знаешь, Марго, я всегда надеялся, что мы преодолеем наши разногласия, но ты немного чересчур.

Марго сначала опешила, а потом разозлилась. В молодости она бы изо всех сил постаралась соответствовать ожиданиям, а теперь любила себя такой, как есть.

– Нет, это ты чересчур, – прошипела она и бросилась к выходу, на ходу доставая из сумочки вновь зазвонивший телефон.

Когда Ричард Бартон впервые увидел Элизабет Тейлор, он тоже сказал, что она чересчур, хотя имел в виду скорее положительные качества: остроумие, потрясающую фигуру и божественные фиалковые глаза. А Джордж – Марго наконец признала, что его безвольный подбородок говорит о слабости характера, – имел в виду, что она слишком требовательна, эмоционально зависима и безнадёжна. Марго так не считала, хотя время действительно уходило, а перспективы серьезных отношений становились все туманнее.

– Да! – рявкнула она в трубку.

Звонили со скрытого номера – скорее всего, дурацкая реклама или мошенники с другого континента хотят вывести ее персональные данные.

– Алло, – неуверенно отозвался женский голос. – Я уже полчаса пытаюсь вам дозвониться. По поводу кота. Кажется, вы называете его Перси.

– Я называю его Перси, потому что это его имя, – как можно спокойнее произнесла Марго. – Это вы его украли?

Она привыкла, что Перси держится от нее подальше. Если честно, он едва выносил ее присутствие. Прошлявшись где-то всю ночь, кот приходил домой и истошным голосом требовал еды. Как она мечтала, чтобы Перси хоть разок положил на порог дохлую птицу или полуживую мышь – знаки любви, которые получали от своих кошек ее друзья!

Марго не сдавалась перед трудностями и продолжала любить своего Перси. Подруги называли его засранцем за коварную привычку нападать на хозяйку. Он смотрел умоляющим взглядом, терся о ноги, требуя ласки, даже начинал мурлыкать, если Марго щекотала его за ушком. А стоило ей утратить бдительность, Перси шел в атаку, пуская в ход зубы или когти, а в особенно неудачные дни – и то, и другое. Любить Перси означало всегда помнить о прививках от столбняка.

Последние месяцы Перси отсутствовал все чаще и при этом изрядно растолстел. Марго поняла, что он нашел новых друзей, и прибегла к отчаянным мерам. Пока удалось прикрепить к ошейнику записку, она чуть не истекла кровью.

«Всем, кто это прочтет.

*У Перси есть дом, его любят, и он очень хорошо питается.
Пожалуйста, не впускайте его к себе и не кормите. Если нужно его забрать,
мой номер телефона на ошейнике».*

– Мы его не крали, – возмущенно произнесла женщина. – Он сам к нам постоянно приходит.

Сообразив, что фактически дело обстоит именно так, поскольку чужой кот находится у нее дома, незнакомка вздохнула.

– Послушайте, вы придете за ним?

Больше всего на свете Марго хотелось попасть домой, переодеться в уютную пижаму и погрузиться об окончательном разрыве с Джорджем. Может, даже поплакать. Не из-за того, что у Джорджа появилась новая любовь – двадцатипятилетняя девушка, которая еще долго не выйдет из благоприятного для деторождения возраста, а просто потому, что никак не удастся встретить нормального мужчину, готового к серьезным отношениям.

Так нет же: пришлось схватить переноску, пачку вкусняшек, толстое махровое полотенце и идти забирать мерзкого социопата из роскошной викторианской виллы, которыми славится Хайгейт.

Марго провели в обширную гостиную свободной планировки с двумя настоящими каминами, над одним из которых висела репродукция Уорхолла «Портрет Мао», и гигантским угловым диваном, который занял бы всю ее квартиру. На нем сидели две девочки – приблизительно четырех и шести лет, которым давно следовало бы спать, а между ними уместился Перси в детском чепчике. Он сознательно игнорировал настоящую хозяйку.

– Просто прекратите впускать его в дом, – сказала Марго измученной женщине, которая открыла дверь и представилась как Фэй, и ее не менее измученному мужу по имени Бенджи.

На входе Марго столкнулась с няней, которая как раз уходила домой. Если у супругов есть няня, то почему у них такой изможденный вид?

– Перси – кот. Он наглый авантюрист и пользуется возможностями, но он мой.

– Его зовут не Перси, а Пончик, – вмешалась младшая девочка, пухлой ручкой обхватив Перси-Пончика за шею.

Сейчас будет кровопролитие.

– Если бы ему у вас нравилось, он бы не приходил к нам, – заметила ее старшая сестра, уставившись на Марго непроницаемым взглядом, под стать злобному выражению Перси, наконец обратившему внимание на свою законную владелицу.

Начальница Марго, Тэнси, отговаривала ее от приобретения черепахового кота.

– Все коты – сволочи, а черепаховые – самые отъявленные, – сообщила она Марго несколько лет назад, когда та просматривала сайты кошачьих приютов. Марго уже не раз пожалела, что не прислушалась к совету Тэнси, но сейчас не собиралась отдавать своего кота без боя.

Кровопролитие не заставило себя ждать, только пострадала не девочка, а Марго, пытавшаяся впихнуть кота в переноску. Чтобы свести риск к минимуму, она предусмотрительно накинула на Перси полотенце. К несчастью, тот сумел высвободить одну лапу и вцепился ей в правую руку, на которой уже присутствовали следы его когтей.

Девочки плакали. Фэй удалилась, заявив, что ей надо выпить, а Бенджи изумленно повторял:

– Это действительно ваш кот?

А чей же еще? Перси замыкал длинную вереницу мужчин, которые считали, что на других берегах трава зеленее, чем у Марго.

– Ладно, – сказала она, дождавшись возвращения хозяйки дома с аптечкой. – Знаете, что? Забирайте его.

Фэй и Бенджи приняли победу с достоинством, а младшая девочка, Элиз, даже заключила Марго в утешительные объятия. Фэй осторожно смазала царапины антисептиком, а Бенджи спросил, не нужно ли зашить рану. Все это время они называли ее Мардж, пока Марго не объяснила, что ее зовут Марго – Марго.

Мардж – синеволосая героиня мультсериала, с которой Марго не желала иметь ничего общего.

Бенджи подвез ее домой – только ради того, чтобы забрать вещи Перси: когтеточку, кучу игрушек, безумно дорогой корм премиум-класса, кроме которого он ничего не ел. Марго сложила все в коробку, отказалась от предложенных денег и, едва закрыв дверь, приняла решение, что отныне будет любить не кошек, а собак.

2

Уилл

Роланд носил черные водолазки, свободные светлые брюки и очки в роговой оправе. Летом и зимой, в любую погоду он был неизменен: водолазка, брюки, очки и бесстрастное лицо.

Уилл приходил в кабинет на Килберн-Парк-Роуд раз в неделю уже целый год, но ни за что не узнал бы Роланда в толпе без черной водолазки и очков в роговой оправе. Наверное, так и задумано.

Его вернул к реальности голос психиатра.

– Уверены, что хотите сделать перерыв?

– Не перерыв. Я хочу прекратить сеансы, – твердо сказал Уилл, невольно съеживаясь под бесстрастным взглядом Роланда. – Я с самого начала планировал, что дам себе ровно год, чтобы решить свои проблемы.

Он немедленно пожалел о своих словах.

– Решить проблемы? – задумчиво спросил Роланд, взглянув на него поверх очков. – А разве в начале самого первого сеанса мы с вами не обсуждали, что поддержание душевного здоровья – длительный, постоянный процесс?

– Да, но я отвел себе один год, – напомнил Уилл.

Благодаря Роланду он больше не чувствовал неловкости, если приходилось настаивать на своем.

– Я предпочитаю целенаправленный подход. Я добился своих целей и намерен двигаться дальше. В Нью-Йорке я знал людей, которые ходят к психотерапевтам годами, десятилетиями, и этому не видно конца.

Уилл не стал добавлять, что такое существование едва ли можно было назвать нормальным, потому что психотерапия, вместо того чтобы помогать этим людям, вторгалась во все аспекты их жизни.

– Вы действительно многого добились, – признал Роланд. – Прodelали грандиозную работу, и я говорю это не ради красного словца. Не так просто добраться до воспоминаний, лежащих столь глубоко.

Именно поэтому Уилл считал, что заслуживает освобождения за хорошее поведение. Год назад он представлял собой бледную тень, жалкое подобие человека. Изможденный, выгоревший, ни на что не годный. А теперь? Ему еще предстояло многое понять о себе, но он знал, что стал другим человеком.

– Мне значительно лучше.

– Панические атаки прекратились?

– Несколько месяцев назад.

– И ваш врач разрешил отказаться от приема антидепрессантов?

– Да, – кивнул Уилл. – Около пяти месяцев назад я начал постепенно уменьшать дозу, а два месяца назад полностью прекратил прием.

– И вы готовы создавать эмоциональные связи, которых не хватало в вашей жизни?

Естественно, Роланд оставил самый трудный вопрос напоследок.

– Мне сейчас не до эмоциональных связей, есть более важные дела.

Роланд опустил глаза в блокнот с записями.

– Погодите. Насколько я понимаю, все это время мы работали именно над этим: нехватка эмоциональных связей, неспособность вступать в серьезные, глубокие отношения.

– За этот год я восстановил эмоциональные связи со своей семьей. Это уже немало, – ответил Уилл.

Он уехал из дома больше двадцати лет назад и не так часто чувствовал потребность возвращаться. Проучившись три года в университете Манчестера и получив диплом в области международных финансов, Уилл нашел работу в крупном инвестиционном банке. Работодатель оплатил ему учебу в Уортонской школе бизнеса в Филадельфии, после чего он проработал пять лет в берлинском офисе компании, три года в Париже и несколько месяцев в Гонконге. Затем Уилла перевели в Нью-Йорк, а там его переманил к себе один из крупнейших частных инвестиционных банков.

Любой скажет, что он сделал блестящую карьеру. Премии за результативность, пентхаусы с роскошными видами, один просторнее другого. Мир, бесконечно далекий от родного дома и семейного цветочного магазина в Масуэлл-Хилл.

Разумеется, Уилл каждое воскресенье звонил своей матери, Мэри, а изредка даже летал домой – на дни рождения, свадьбы и проводы в последний путь. Родные тоже его навещали. Да, он любил свою семью, но любить ее было гораздо легче, когда их разделял океан и несколько часовых поясов.

Последний год Уилл видел родственников ежедневно. И хотя он решил устроить себе длительный отпуск, как-то само собой получилось, что начал работать в семейном бизнесе. Роланд должен отдать ему должное еще и за то, что он ухитрился до сих пор не убить сводную сестру Сейдж, которой и в проекте не было, когда он впервые покинул отчий дом. Умение Сейдж выводить людей из себя граничило с искусством.

– Безусловно, семейные узы – важная часть человеческой жизни, они определяют нас. А также семейные узы, которые мы разрываем, – высказался Роланд, скрестив руки на груди.

Уилл не собирался начинать все сначала. Он тоже сложил руки на груди и смотрел Роланду прямо в глаза, пока тот не вздохнул.

– Напомните мне, Уилл, как развивались ваши последние романтические отношения, – продолжал психотерапевт. – Я имею в виду женщину, которая ударила вас туфлей.

Роланд обладал множеством замечательных качеств, хотя чувство такта ему порой изменяло. Он припомнил один из самых унижительных моментов в жизни Уилла.

– Довинду? Она не ударила меня туфлей, а бросила ее в меня, – уточнил он. – И мы не состояли в отношениях, а просто встречались. В Нью-Йорке так принято.

Это они уже проходили. Несколько раз.

– Значит, в Нью-Йорке никто не состоит в отношениях? Хм... странно, – покачал головой Роланд, не меняя бесстрастного выражения лица. – Напомните мне, почему Довинда швырнула в вас туфлей.

Уилл шагнул прямо в расставленный капкан.

– Потому что хотела перейти к более серьезным отношениям, а мне казалось, мы оба понимаем: хотя нам нравится бывать вместе и... да, заниматься сексом, это ни к чему не обязывает.

– Повторяющаяся схема отношений с женщинами, – сказал Роланд, записывая что-то в блокнот.

– Еще раз объясняю, мы не состояли в отношениях.

Много чего видели и слышали стены этого кабинета. Каждый четверг с 18:00 до 18:50 вечера Уилл смотрел в лицо горькой правде, выкапывал давно похороненные секреты, озвучивал вещи, о которых боялся говорить даже с самим собой. Боль, уязвленные чувства, даже слезы... А теперь выяснилось, что самое трудное – расстаться с Роландом.

К тому же психиатр ошибался. Неспособность создавать глубокие эмоциональные связи не имела ничего общего с определяющим моментом, который привел Уилла в кабинет психотерапевта.

Он лежал на каталке в отделении неотложной помощи Пресвитерианской больницы, думая, что у него сердечный приступ. Уилл прожил в Нью-Йорке больше пяти лет, но ему

некому было даже позвонить. Хотя не в этом дело. А в том, что, несмотря на блестящую карьеру, шикарную квартиру в Трайбеке, солидный счет в банке, новейшую технику и дорогие брендовые кроссовки, его мучила острая, невыносимая боль в груди. Динамичного, успешного, целеустремленного человека, которым он стал, больше не было. Он вновь чувствовал себя перепуганным, слабым двенадцатилетним мальчиком...

Роланд кашлянул, и Уилл вернулся в настоящее, которое нравилось ему гораздо больше, чем недавнее прошлое.

– За этот год вы преодолели сложные личные обстоятельства и вернулись к своей семье, а значит, вы способны создавать эмоциональные связи и нуждаетесь в них, хотя утверждали обратное. А сейчас я хочу, чтобы вы, не задумываясь, назвали хоть кого-то, кроме своих родных, с кем когда-либо чувствовали глубокую эмоциональную связь, – неожиданно потребовал Роланд, и Уилла охватила паника. – С кем вы не боялись быть уязвимым. Кого любили безоговорочно.

Несмотря на то что он не знал таких людей, ответ пришел мгновенно.

– Матли, – быстро сказал он. – Собаки ведь тоже считаются?

При воспоминании о собаке, которая была у него в детстве, лицо Уилла озарила улыбка. Матли, помесь джек-рассел-терьера с бог весть кем. Он провожал Уилла в школу и ждал его возвращения. Они целыми днями играли вместе. А по ночам Уилл шепотом доверял песику свои тревоги и утыкался лицом в теплую, мягкую шерсть, когда хотелось плакать. Это была настоящая любовь. Но...

– Я не собираюсь заводить собаку, – решительно произнес Уилл.

Брови Роланда поднялись на несколько миллиметров.

– Я не предлагал вам заводить собаку.

– Держать собаку или даже взять из приюта на временную опеку – огромная ответственность.

– И брать собаку из приюта вам тоже никто не предлагает, – вздохнул Роланд.

Время сеанса заканчивалось, пора было прощаться. Тем не менее Уилл не хотел уходить, не поставив точку. Это показывало, насколько он вырос как личность.

– Возможно, я мог бы иногда гулять с собакой из приюта. В качестве волонтера, – нахмурившись, сказал он. – Это никому не повредит.

Торжественность момента заставила Роланда нахмуриться. Уилл никогда не видел его столь воодушевленным. Он ждал от Роланда напутственного слова, как всегда, проникновенного и наводящего на размышления.

Роланд отложил ручку и в последний раз смерил Уилла проницательным взглядом.

– Если надумаете возобновить сеансы, я обязательно найду для вас окошко, – с грустной улыбкой сказал он. – А пока – удачи.

3

Марго

– Я добрая. Сильная. Позитивная. Я привлекаю в свою жизнь добрых, сильных, позитивных людей. Я достойна любви. Я отличная хозяйка для собаки.

Обычно Марго вкладывала в ежедневные аффирмации значительно больше чувства, посылая во вселенную свой портрет, нарисованный самыми лестными красками, чтобы это стало явью. Но сейчас она сидела на заднем сиденье «Убера». Водитель и так уже обиделся, когда Марго попросила переключить новости на музыкальную волну. Кроме того, рядом была ее лучшая подруга Трейси, которая не очень-то верила в силу позитивных аффирмаций.

«Би Джиз» призывали их потанцевать. Марго сделала несколько глубоких вдохов, пытаясь овладеть собой. Она волновалась, как перед свиданием вслепую, на которые ходила бесчисленное множество раз. Даже сильнее, потому что в последнее время единственным чувством, которое она испытывала перед встречей с очередным незнакомцем, было мрачное подозрение, что это опять НЕ ОН. Что парень бросит на нее оценивающий взгляд и даже не потрудится скрыть ни разочарование, ни гадкую уверенность, что Марго – тоже НЕ ОНА, хотя вполне годится в качестве девушки на одну ночь.

А собаке все равно, что Марго носит шестнадцатый размер, и не успела подкрасить корни, и заметила пятно от кофе на толстовке с надписью «Клуб сильных девушек», уже выйдя из дома. Собака поймет, что все это – глупые предрассудки, а душа, сердце и внутреннее чувство справедливости у Марго на месте и в отличном состоянии.

– Я ужасно волнуюсь, – сказала она Трейси. – Что, если я не понравлюсь ни одной собаке?

– Думаю, хотя бы одной обязательно понравишься, – снисходительно похлопала ее по руке Трейси.

Они подружились восемнадцать лет назад в Школе моды. Трейси только сошла с трапа самолета, прилетевшего из Новой Зеландии, «большую часть населения которой составляют овцы, не интересующиеся модными тенденциями». Трейси тогда носила экстремально короткую стрижку, шеголяла сережкой в губе и была весьма прямолинейной особой. С тех пор она отрастила золотисто-каштановые волосы до плеч и избавилась от пирсинга, хотя по-прежнему испытывала нездоровое пристрастие к ботинкам-мартинсам, леопардовым принтам и твердым мнениям.

– Не бойся, я же не зря с тобой поехала. Ты еще не пришла в себя после встречи с Джорджем и не готова самостоятельно принимать важные решения.

– Просто не верится, что я потратила на него два года своего фертильного периода, – сказала Марго.

Подруга вздохнула. Марго мусолила эту тему всю неделю, и у Трейси заканчивалось терпение.

– Все будет хорошо. Ты обязательно понравишься собачкам, – с жаром уверила она Марго, чтобы прекратить дальнейшие разговоры о Джордже. – Мы почти на месте, да?

Они ехали в местный центр спасения собак. Естественно, Марго решила не покупать собаку, а взять из приюта. Она знала, что такое быть брошенной и думать, что ты недостаточно хороша. Она уже заполнила анкету и с блеском прошла проверку бытовых условий. Иначе и быть не могло, ведь Марго каждый день напоминала вселенной, какая она добрая, заботливая и позитивная. Честно говоря, главную роль сыграло наличие заднего двора. Ну и что, что он не превышал по размерам почтовую марку? Совсем крошечную, меньше стандартного размера. Помогло и то, что Марго пообещала не оставлять питомца на целый день одного, а брать с собой на работу. Тут она немного слукавила. Вернее, выдала желаемое за действительное, поскольку

ее боссы, Дерек и Тэнси, категорически запретили Марго приходить на работу с собакой. Марго все же надеялась, что они передумают. Ее идею работать по средам удаленно они сперва тоже приняли в штыки, но в конце концов сдались.

Ладно, потом разберемся. Пока «Убер» резво катил по Северному Лондону, перепрыгивая через лежащих полицейских, Марго пыталась вообразить идеальную собаку: милую, чтобы можно было выставлять в Инстаграме¹, желательную пушистую, не тяжелую и обязательно хорошо воспитанную. Описанию лучше всего соответствовал кокапу. Они съехали с магистрали А41 и остановились перед длинным одноэтажным строением.

– Я отличная хозяйка для собаки, – тихонько пробормотала Марго и вышла из такси, приготовившись к встрече с собакой своей мечты.

Они вошли в неказистую приемную – у благотворительной организации нет лишних денег на мягкие диваны или даже на пару ведер краски, чтобы освежить никотиново-желтые стены. Тем не менее ожидавшая их девушка в форме волонтера приветливо улыбнулась и радостно сказала:

– Меня зовут Софи. Спасибо, что решили взять собаку из приюта.

Несмотря на оранжевые дреды и татуировки, Софи производила впечатление серьезной и деловой особы, и Марго побоялась сказать, что ищет собаку, подходящую для Инстаграма. Или способную заполнить пустоту в сердце, оставленную бросившими ее мужчинами и вероломством Перси.

Софи открыла дверь, и в ноздри ударил запах мочи, а в ушах зазвенело от громкого лая. Это оказалось гораздо страшнее, чем представляла Марго. Ее воображение рисовало что-то более душевное, чем эта... собачья тюрьма.

Собак держали в небольших вольерах, скорее даже клетках, с жестким каменным полом и бьющими в глаза лампами дневного света. Неудивительно, что они прыгали и бросались на решетки, отчаянно пытаясь привлечь внимание проходивших мимо людей.

– Многие животные плохо переносят приют, – пояснила Софи. – Особенно те, что раньше жили в семье. Они не понимают, в чем провинились и почему оказались здесь.

– Это очень грустно, – отозвалась Марго.

Несмотря на то что она пришла за самой милой собачкой, Марго жалела всех, мимо кого проходила. Пару минут она растроганно стояла над пожилым французским бульдогом, громко сопевшим ей в руку. Трейси оттянула ее в сторону.

– Эта порода выродилась, у них масса проблем со здоровьем. У наших соседей французик. Бедняжка даже воду пьет с трудом.

Трейси наградила поникшую Марго суровым взглядом.

– Надо быть практичной, Маргс, счета за ветклиники тебя разорят.

Марго не заметила в вольерах ни одного кокапу, в основном их занимали стаффордширские бультерьеры. Эта порода в ее планы не входила. Она не любила кого-то осуждать, но, когда в газетах сообщалось о кровавом нападении, виновником почти всегда оказывалась собака, похожая на бультерьера, а питомцы приюта определенно на нее бросались.

– Им просто не хватает общения, – сказала Софи, однако Марго в этом сомневалась. – Я знаю, что о них всякое пишут, а на самом деле стаффы – одна из трех пород, которые Клуб собаководов особенно рекомендует семьям с детьми.

– Неужели? – недоверчиво переспросила Марго.

– Ага. Как ни странно, больше людей обращается за помощью после укусов лабрадора, чем стаффа, – ответила Софи, но это прозвучало не слишком убедительно.

¹ Компания Meta, к которой относятся социальные сети Facebook и Instagram, признана экстремистской, и ее деятельность на территории России запрещена.

Они дошли до конца коридора. Многие собаки, мимо которых прошла Марго, затронули струны ее души, но ни одна не похитила сердце.

В последнем вольере никого не было, и все-таки Марго задержала взгляд на табличке с данными.

Имя: Флора

Возраст: около трех лет

Порода: стаффордширский бультерьер

Примечания: Подобрана на улице и не востребована из муниципального приюта. Нервничает в присутствии мужчин. Чрезвычайно мотивирована на еду. Не уживается с кошками. Флора просто хочет быть любимой!

– О господи, Марго, – прошептала Трейси, – она твоя сестра по духу.

Марго приложила руку к груди, чтобы проверить, на месте ли сердце, ибо существовала реальная вероятность, что оно украдено.

– А эта...

Не успела она спросить, где же Флора, как вдруг поняла, что в клетке кто-то есть. В самом дальнем углу лежала небольшая белая собака, дрожащая, как осиновый лист.

Марго опустилась на корточки и протянула руку.

– Привет, – ласково сказала она. – Не хочешь подойти поздороваться?

Перси уже впился бы в руку зубами и когтями, а Флора едва подняла голову.

– Какая же ты прелесть, – нежно проворковала Марго.

Собака медленно встала и на дрожащих лапах подошла ближе.

– Замечательная, чудесная девочка.

У Флоры были большие карие глаза, как будто аккуратно подведенные черной тушью. Не отрывая взгляда от Марго, она подошла вплотную к решетке и лизнула протянутую руку.

Марго погладила собаку по щеке, а та потерлась о прутья, отчаянно стараясь подобраться как можно ближе к ней. Марго не хотела стаффордширского бультерьера. Она не верила, что это лучшая порода для семьи, их нельзя назвать пушистыми и практически невозможно носить на руках. Но Флора смотрела на нее бездонными карими глазами, и Марго подумала, что небольшая прогулка никому не повредит и ни к чему не обяжет. Просто размять ноги.

– Я умываю руки, – нахмурилась Трейси. – Только помни, никаких поспешных решений.

– Конечно, – согласилась Марго.

Софи пристегнула к ошейнику поводок.

Во время «прогона сквозь строй» Флора выглядела очень напуганной. Увидев, что кого-то ведут гулять, ее сородичи залаяли громче прежнего, и бедная собака все время норовила спрятаться за Марго, тычась мордой в ноги.

Приют стоял на опушке леса, и как только лай смолк, Флора спокойно пошла рядом, время от времени останавливаясь, чтобы посмотреть на Марго своими мультяшными глазами. У нее была хорошо развитая грудная клетка, бочкообразное туловище и короткие кривоватые ножки, слишком худые по сравнению с мощным телом. Теперь Марго рассмотрела, что собака не полностью белая: морда белая, а макушка и уши – палевые. Спина – тоже палевая, с белыми пятнами, одно из которых в форме Италии, и хвост – палевый, а кончик как будто окунули в ведро с белой краской.

Только теперь она заметила плачевное состояние собаки: проплешины на боках и торчащие ребра.

– Бедняжка, как ты дошла до такой жизни? – сочувственно спросила Марго.

Собака не ответила. Она послушно трусила рядом, пока Марго не села на поваленное дерево. Флора устроилась у нее в ногах и положила морду на колени, чтобы не терять ее из виду. Точно до конца своих дней хотела смотреть только на Марго и ни на кого больше. На нее уже сто лет никто так не смотрел.

Чувство было взаимным. Марго тоже не могла оторвать взгляда от прелестной мордашки в форме сердца и блестящих темных глаз.

Боже правый! Все эти свидания, все эти мужчины! Сколько лет она пыталась найти кого-нибудь, кто не побоится ее любить, несмотря на противоречивый и сложный характер. Ни разу за все это время у нее не дрогнуло сердце, не пришло понимание, что это и есть пресловутая вторая половинка. Честно, ни разу. До сегодняшнего дня.

Марго чуть не плакала, а сердце выскакивало из груди. Ей хотелось прижать Флору к себе, осыпать поцелуями и защитить от всех бед.

Марго не считала себя знатоком, но подозревала, что это и есть любовь с первого взгляда.

– Флора – моя собака, – сказала она Софи и Трейси, вернувшись с прогулки. – Мы созданы друг для друга.

– Флора действительно заслуживает любви, – сказала Софи, потрепав собаку за ушами. – Она станет совсем другой, когда привыкнет и почувствует себя в безопасности. Пойдемте оформлять документы?

– Ты хорошо подумала? – спросила Трейси. – Мы ведь договорились, что ты не будешь принимать скоропалительных решений.

– Я хочу эту собаку, – энергично закивала Марго. – Пойдемте, заполним бумаги, а на следующей неделе я ее заберу.

– А сейчас вы не можете ее забрать? – спросила Софи, когда Флора, бросив последний растерянный взгляд на Марго, вновь вернулась в ненавистную клетку.

– Я правда не могу, – прерывающимся голосом объясняла Марго директору Центра Белинде. – Я же сказала, когда вы проверяли жилищные условия, что завтра уезжаю по работе. В воскресенье утром приеду за ней прямо из аэропорта.

– Флора плохо переносит клетку, – твердо произнесла Белинда. – Я не могу зарезервировать ее для вас, ведь завтра может появиться человек, готовый забрать ее сразу.

«Я – лучшая в мире хозяйка для собаки». Вселенная почему-то не превратила аффирмации Марго в реальность.

– Флора предназначена мне судьбой, – взмолилась Марго, сложив руки перед грудью. – Пусть кто-нибудь присмотрит за ней – всего одну недельку, пожалуйста!

4

Уилл

Уилл подъехал к приюту в рабочем фургоне. Обычно он не занимался доставкой цветов, но как-то так получилось, что в последние месяцы часто брал на себя дела в семейном цветочном бизнесе. Обсуждал контракты на торжественные события, следил за веб-сайтом, а вот теперь подрядился доставить букет сезонных цветов Сандре из Барнета, которая с пятнадцатой попытки сдала экзамен на права.

Пока мать наносила последние штрихи на букет для Сандры, Уилл загуглил приюты для собак, поскольку перед этим получил еженедельное послание от Роланда, хотя официально уже прекратил пользоваться его услугами.

«Просто хочу узнать, как дела. Повторюсь: создание новых эмоциональных связей может оказать только положительное влияние на ваше психическое здоровье. Волонтерство в приюте было бы прекрасным началом. (Если передумали, ваше время по четвергам все еще свободно.)

Всего доброго, Роланд».

Он не собирался тянуть резину. Быстренько найти собаку, которой нужна помощь. Дать и получить эмоциональную поддержку. Сфотографироваться с вышеупомянутой собакой, отправить снимок Роланду и с чистой совестью вернуться в город, на встречу с главой крупного рекламного агентства, которое хочет подписать контракт на обслуживание для всех своих торжественных событий.

На пороге его встретила серьезная девушка с оранжевыми неоновыми дредами, в синей футболке с логотипом спасательной организации.

– Я пришел погулять с собакой, – сказал Уилл, перекрикивая многоголосый лай, доносящийся из-за двери.

– А у вас проверяли жилищные условия? Как вас зовут? – спросила девушка, переводя взгляд на дверь с надписью «Только для сотрудников». – Я пойду посмотрю.

– Я не волонтер, – признался Уилл. – Просто хотел выгулять собаку.

– У нас так не принято, – девушка скрестила руки на груди. – Сначала вас должны проверить. Можно сделать это сейчас...

Уилл не собирался принимать на себя никаких обязательств. Потом надо будет приходить сюда каждую неделю. Хотя... почему бы и нет? Все оказалось сложнее, чем он себе представлял.

– Я бы с удовольствием взял собаку на временную опеку, – симпровизировал он.

Можно ведь погулять, а потом сказать, что ему это не подходит: «Извините, что отнял время, ладно, я пойду, спасибо, до свидания». С другой стороны, почему бы ему действительно не завести собаку? Конечно, это живое существо и огромная ответственность, а он не хотел брать на себя ответственность. Разве что совсем крошечную.

– У меня есть опыт обращения с собаками. В детстве у меня был пес. Матли. Лучшая собака на свете.

Девушка с дредами улыбнулась.

– Все люди считают свою собаку лучшей на свете.

– И все они правы, – согласился Уилл, перекрикивая усилившийся лай. – Только непонятно, как здесь оказались все эти бедняги.

Девушка опустила руки.

– Мы все равно должны вас проверить.

Тем не менее Уилл видел, что она смягчилась.

– Разумеется, но раз уж я все равно здесь, можно хотя бы взглянуть на собак?

Как только они прошли в дверь, лай стал оглушительным, а запах мочи резал глаза. Уилл шел по коридору, разглядывая бросающихся на решетки собак.

Зрелище было невеселое. Боль и отчаяние животных, запертых в холодных, неуютных клетках. А ведь когда-то они жили в семьях, их любили и баловали. Во всяком случае, Уилл на это надеялся. Ему не хотелось думать, что у этих несчастных никогда не было мягкой постели, что их никогда не гладили.

Он перевел взгляд со спаниеля с отчаянно грустными глазами на французского бульдога в следующем вольере. Кто же не любит французских бульдогов? Но этот был седой, со слезящимися глазами и издавал странные звуки, как мотоцикл, который не заводится. Еще упадет замертво прямо во время фотосессии.

– Извини, дружище, – сказал Уилл, просовывая руку через прутья, чтобы погладить беднягу по голове.

Он почувствовал, что раскисает, и если останется здесь еще немного, то согласится забрать всех этих собак. Всех до единой. Уилл не успел принять необдуманное решение, поскольку его внимание привлекла сцена в конце коридора. Темноволосая женщина, стоявшая на коленях перед последней клеткой, умоляюще смотрела на своих спутниц.

– Я нашла родственную душу. Мы должны быть вместе, – срывающимся голосом говорила она.

Заинтригованный Уилл подошел ближе и увидел, что по лицу женщины текут слезы. Лицо было красивое. Даже очень. И все остальное соответствовало. Правда, женщина казалась мягкой и податливой, а ему всегда нравились девушки с характером. Они не чувствовали боли. Довинда, как и любая из ее предшественниц, ни за что не заплакала бы на людях.

– На этой неделе я уезжаю в командировку. Разумеется, я не хочу, чтобы Флора страдала, но должен быть какой-то выход, – дрожащим голосом сказала она, взволнованно хмурия лоб.

Уилл с волонтершей обменялись понимающими взглядами здравомыслящих людей, которые не понимают, зачем устраивать истерики.

Теперь он увидел собаку, которую женщина закрывала своим телом: печальную стаффордширку с бархатными карими глазами. Интересно, она такая грустная от тяжелой жизни или от того, что ее схватили за шею и поливают слезами?

– Если ее никто не заберет за эту неделю, она ваша, а до тех пор мы будем стараться ее пристроить, – решительно произнесла старшая женщина.

Висящие на цепочке очки придавали ей начальственный вид, и Уилл понял, что она здесь главная.

– Сегодня мы опубликовали Флору во всех наших соцсетях, – добавила дама с очками.

Уилл не понимал, почему плачущая красавица прицепилась именно к этой собаке, но не мог как следует рассмотреть ни ту, ни другую: они слились в единое, плачущее, дрожащее существо. Темные волосы женщины почти полностью укрыли щуплое тельце собаки, которую она заключила в судорожные объятия.

– Пойдем, Маргс, – мягко произнесла вторая женщина, с каштановыми волосами, в леопардовом жакете и с леопардовой сумочкой. – Если судьба – значит она тебя дождетя.

Маргс (что за имя?) подняла лицо, залитое слезами.

– А ты не можешь взять ее на недельку? – с надеждой в голосе спросила она.

– Честно, никак. Дэн в отъезде до пятницы, и в кампусе запрещены все животные, кроме зарегистрированных собак-поводырей, – ответила ее подруга. – Недавно у нас произошел инцидент с «хорьком для эмоциональной поддержки». Извини.

Вдруг кто-то дернул Уилла за рукав.

– Вы же хотели собаку.

– Что?

– Вы ведь сказали, что хотите взять собаку! – блеснула глазами девушка с дредами. – Временные опекуны у нас на вес золота.

– О! Вы можете ее приютить!

Все взгляды обратились на Уилла, в том числе и большие голубые глаза коленопреклоненной женщины, слегка опухшие от рыданий.

– Я знала, что должен быть выход!

Уилл протестующе поднял руки.

– Погодите! Я всего лишь сказал, что подумываю взять собаку.

Первое впечатление оказалось ложным. Теперь, когда голубоглазая страдальца выпрямилась в полный рост, в выражении ее лица, в развороте плеч, в оценивающем взгляде появилась какая-то бескомпромиссность.

– Всего неделя вашей жизни, – тихо сказала незнакомка, точно они были одни, и ее слова не заглушала многоголосая какофония. – Вы заберете Флору и освободите вольер для другой собаки, значит, спасете сразу двух. Вам не кажется, что ради этого стоит пожертвовать одной неделей?

Уилл помимо воли кивнул, ведь если посмотреть с такой стороны... Нет, я занятой человек! Ну, не настолько уж я занят, и если могу вытащить из этой дыры хотя бы одну собаку, то сделаю доброе дело.

– У меня ведь должны сначала проверить жилищные условия, – вспомнил он. – И я не могу сегодня. В три часа у меня деловая встреча в Шордиче, а уже одиннадцать.

– Условия можно проверить прямо сейчас, а собаку я привезу вам вечером, – предложила девушка с дредами. – Где вы живете?

Ситуация стремительно выходила из-под контроля, и ему стало не по себе.

– В Масуэлл-Хилл. Послушайте, давайте...

– Отлично, а я – в Хайгейте, – сказала Маргс, улыбнувшись, как ясное солнышко после дождя.

Он улыбнулся в ответ, вернее, слегка приподнял уголки губ, изобразив улыбку, потому что давно не практиковался.

– Мы почти соседи, – продолжала Маргс. – Вы не замечали, что когда чего-то очень сильно хочешь и направляешь на это позитивную энергию, то вселенная приходит на помощь?

– Маргс, только не начинай со своими аффирмациями. У нас и без того выдалось тяжелое утро, – взмолилась Трейси.

Уилл мгновенно пожалел, что улыбнулся. По горькому опыту он привык остерегаться женщин, которые несут всякий бред о позитивной энергии и притяжении счастья. Какое там счастье, когда они начинают возмущаться его отказом от серьезных отношений.

– Кажется, все складывается удачно, – с этими словами старшая женщина надела очки и склонилась над табличкой. – Гм... так и знала, что есть какой-то подвох. Флора не очень любит мужчин.

Уилл привык к отказам, но так быстро его еще никогда не отшивали.

– Ну, в женщину я не могу превратиться при всем желании, – сказал он, и Маргс едва заметно улыбнулась, как бы укоряя его, что он даже не попытался этого сделать.

Тем временем начальница и девушка с дредами отошли в сторону и зашептались.

– Давайте попробуем, – сказала волонтерша. – Флора нормально относилась к Рандипу, когда привыкла. Принести лакомство?

Она развернулась и направилась в сторону приемной. Уиллу захотелось пойти за ней. Как самостоятельный взрослый человек, он мог это сделать. Но волонтерша обернулась и сказала с надеждой в голосе:

– Я принесу самое вкусное угощение – утиные потрошки, она их обожает.

В процессе этого эмоционального шантажа и манипулирования Уилл совсем забыл о собаке. Теперь, когда он на нее посмотрел, та съежилась и спряталась за ноги женщин.

Еще один удар в солнечное сплетение. Да, он испытывал трудности в установлении эмоциональных связей, однако не считал себя злым, гадким и жестоким садистом. У этой собаки не было никаких причин при виде его дрожать от страха.

– Я не хочу ее травмировать, – сказал он.

– Я вам этого и не позволю, – решительно сказала женщина в очках.

Тут вернулась девушка с дредами. Она протянула Уиллу небольшую металлическую миску с мелкими кусочками чего-то ужасно вонючего.

– Сублимированные утиные потроха, – радостно сказала она.

Да уж, быть владельцем собаки – не для слабонервных. И не для веганов.

– Теперь возьмите кусочек, присядьте и протяните руку, а сами отвернитесь, – скомандовали ему.

Уилл подчинился. Совсем не так представлял он себе визит в приют. Он сидел, согнувшись в три погибели, держа в руке отвратительно пахнущий кусок мяса и уставившись на отколовшийся уголок плитки на полу.

– Давай, Флора, – ласково подбодрила собаку волонтерша, придвигаясь ближе к Уиллу. – Смелее, девочка.

Десять минут спустя Уилл лежал на животе, неестественно вывернув шею, чтобы не пугать собаку своим взглядом. Давно он не испытывал такого позора, не выставял себя таким идиотом. Свидетелями его унижения, его неспособности завоевать доверие стали четыре совершенно незнакомые женщины. Просто метафора всей его жизни.

И вдруг – невероятно! – собака подползла так близко, что дотянулась до угощения. Уилл думал, что она схватит лакомство вместе с рукой, но Флора взяла его изящно и проглотила в мгновение ока. Затем отползла назад и вновь приблизилась, как только на ладони оказался следующий кусочек.

На третий раз Флора явно решила, что в этом что-то есть, и села прямо перед Уиллом.

– Сожмите руку в кулак и дайте ей его обнюхать, – велели ему, и он не посмел послушаться.

Все мышцы протестовали против такого обращения, но Уилл оставался в горизонтальном положении. Он скосил глаза на Маргс, которая напряженно смотрела на собаку, закусив нижнюю губу, пока Флора не понюхала его руку. Только после этого женщина расслабилась. Когда Флора разрешила ему осторожно погладить ее морду, Маргс вздохнула, а когда собака поставила переднюю лапу Уиллу на плечо, рассмеялась.

– Она показывает вам, что хочет еще, да, Флора?

Уилл с радостью повиновался. Он присел на корточки – так скармливать угощение было удобнее, чем лежа на полу. Собака даже осмелилась посмотреть на него и позволила почесать за ухом. Глядя в ее грустные глаза, Уилл понимал, сколько боли и мучений пришлось ей пережить. «Я тебя понимаю, – хотелось сказать ему. – Тоже через это прошел. Все наладится, обещаю».

Лизнув розовым языком его палец, Флора удалилась под защиту женщин, которые, затаив дыхание, наблюдали за процессом.

Все это продолжалось каких-то десять секунд, но эти десять секунд растопили лед его сердца. Уилл получил то, зачем пришел: эмоциональную связь с другим живым существом, однако уходить не спешил.

Говорят, собаки разбираются в людях, и теперь Уилл чувствовал, что его оценили. Он присмотрит за Флорой эту неделю, поможет ей начать новую, счастливую жизнь, и в то же время не придется брать на себя ответственность за ее судьбу. Думать о ком-то другом, а не о себе. Он никогда в жизни не думал столько о себе, как в последний год, и это выматывало.

– Ну что ж, все прошло лучше, чем я ожидала, – удовлетворенно отметила дама в очках. – Еще неделю назад она писалась от страха, если к ней подходил мужчина.

Да уж, планка установлена достаточно низко, однако дело не в его чувствах. Главное – Флора. Никто не должен жить в страхе – ни человек, ни собака.

– Так когда вам удобно проверить мое жилье? – поинтересовался он, окончательно решив, что готов приютить на неделю перепуганную стаффордширскую бультерьершу.

– Пойдемте, поговорим в офисе, – сказала дама в очках, но не успел он сделать и шага, как голубоглазая шатенка положила руку ему на плечо. Рука была крепкая и сильная, а ногти выкрашены в пастельно-голубой цвет.

– Меня зовут Марго, – сказала она, вновь просияв той солнечной улыбкой. – Только не Мардж. Марго.

– Но ты любишь, когда тебя называют Маргс, – шутливо ткнула ее в бок подруга.

– Тебе это просто сходит с рук.

– Я Уилл, – сказал он, пожимая протянутую руку.

Они смотрели друг другу в глаза. Уилл опустил взгляд первым.

– Спасибо! Огромное спасибо, что согласились ее приютить! – сказала Марго с пылом человека, верящего в позитивную энергию.

– Я еще могу не пройти проверку.

Говоря это, Уилл отдавал себе отчет, что живет не в лачуге с крысами и уж как-нибудь обеспечит безопасность Флоры в течение недели. Его охватила паника.

– Надо обменяться телефонами, – сказала Марго и достала из заднего кармана джинсов мобильный, не ведая, что Уилл испытывает молчаливый кризис уверенности в себе. – Я жду ежечасных новостей с фотографиями.

Несмотря на свои чувства, Уилл понял, что она не шутит.

Вечером Флора, благоухающая приютом, прибыла в его квартиру. Девушка с оранжевыми дредами привезла с собой полпачки собачьего корма и сообщила, что у Флоры синдром стеснительного мочевого пузыря, и она может пару дней отказываться ходить по-маленькому.

Уилл запер дверь за волонтершей, покачал головой и расправил плечи.

– Спокойно. Все хорошо. Я справлюсь.

Флора, нахмурившись и дрожа всем телом, испуганно рассматривала прихожую. Затем робко посмотрела на Уилла и бочком нырнула в гостиную.

– Боже, во что я ввязался! – тяжело вздохнул он.

5

Марго

Дважды в год Марго проводила пять дней за границей на съемках модной коллекции нового сезона.

Шла последняя неделя сентября, и вечером за день до отъезда из Лондона пришлось включить центральное отопление. Кто бы на ее месте отказался от недели на полуострове Пенише? Чудесные песчаные пляжи, двадцать пять градусов тепла, ласковое солнце и Лиссабон в часе езды.

Изучая дизайн одежды, Марго быстро поняла, что не станет следующим *enfant terrible*² британской моды. Как ни тяжело ей было это признать, она склонялась скорее к «Боден», чем к «Баленсиага», и предпочитала «Манго» Марку Джейкобсу, а Кейт Кидстон – Кристиану Диору.

Марго умела создавать красивую одежду, которая льстила женской фигуре, но ее творения не подходили ни для парижских подиумов, ни для знаменитостей на красной дорожке. Она признала эту горькую правду еще в возрасте становления. Марго надеялась раскрыть свой талант, когда окончит колледж и начнет работать. К несчастью, на рабочем месте ей пришлось разрабатывать дизайн спортивных костюмов для ведущей спортивной сети.

Людам нужны спортивные костюмы, и кто-то должен разрабатывать их дизайн. Марго застряла в спортивном гетто на три года: как можно устроиться на интересную творческую работу, если в твоём портфолио – только спортивная одежда из синтетики? Самым большим ее профессиональным достижением стал спортивный костюм, который носил какой-то бездельник в сериале «Холлиокс».

Единственная область, где Марго удавалось проявить свой талант, – создание одежды для себя, любимой. Ее аппетитные изгибы влезали только в шестнадцатый размер, а творцы массовой моды, как правило, останавливались на четырнадцатом. Если кто-то и осмеливался дойти до шестнадцатого, найти его в продаже было не легче, чем подлинное яйцо Фаберже на соседнем блошином рынке.

Марго не хотела уменьшать свои габариты с помощью диет и упражнений. Можно, конечно, питаться спагетти из сушеных кабачков, делать вид, что ты без ума от пиццы с корочкой из цветной капусты, и ограничиваться двумя квадратиками черного шоколада в день. Но жизнь и так полна страданий, так зачем отказывать себе в спагетти из пшеничной муки и в пицце с нормальной корочкой? А разве способны два жалких кусочка горького черного шоколада поднять настроение, как большая плитка карамельного «Кэдберри»?

Поэтому она приняла решение (последней каплей стало крайне неприятное открытие в примерочной «Топшопа», что их шестнадцатый размер соответствует двенадцатому во всех остальных магазинах) шить себе одежду самостоятельно. Симпатичные платья и топы из хлопка с нежными цветочными принтами и мягкий трикотаж, представляющие ее фигуру в самом выгодном свете.

В день, когда Марго встретила двух самых главных людей в своей жизни, на ней тоже было собственное творение: черное хлопковое платье с запахом в белый горошек. Судьбоносная встреча произошла во вторник, во время обеденного перерыва, в кафетерии магазина «Маркс и Спенсер» в Кэмдене. Марго зашла туда купить сэндвич, а Дерек и Тэнси Спенсер-Уильямс заскочили за шоколадным рулетом кому-то из сотрудников на день рождения.

² «Несносный ребенок» (*фр.*), крылатое выражение, попавшее в русский язык из различных западноевропейских языков без перевода.

– Потрясающее платье, – сказал женский голос у нее за спиной, когда Марго дотянулась до последнего сэндвича с беконом, латуком и томатом.

Обернувшись, она увидела элегантную даму в белоснежном комбинезоне, с ультракороткой стрижкой, подчеркивающей высокие скулы, и стареющего рокера в подвернутых джинсах с седыми волосами, зачесанными назад.

– Спасибо, оно еще и с карманами! – растерявшись, выпалила не избалованная комплиментами Марго и для наглядности засунула свободную руку в карман.

– Редко встретишь котоновое платье-халат, которое так хорошо сидит на фигуре, – заметила женщина.

На самом деле это был тактичный способ сказать, что редко встретишь хлопчатобумажное платье с запахом, которое так удачно обтягивает большую грудь и широкие бедра. Ни один мужчина никогда не рассматривал пышные формы Марго с таким интересом.

На мгновение она даже задумалась, не подкатывает ли к ней эта колоритная парочка. А что, очень даже просто: «Пара среднего возраста ищет женщину в теле для приятного вечернего времяпрепровождения». Но когда рокер пощупал складку юбки и заметил, что платье отлично сидит, несмотря на отсутствие подкладки, Марго узнала в них родственные души.

– Я вшила изнутри потайную пуговицу, – пояснила она. – Некоторые предпочитают завязку, но пуговица удобнее.

– Вы сами его пошили? – спросила женщина. – По выкройке?

– Вроде того, только немного усовершенствовала, – охотно поделилась Марго, любившая поговорить о выкройках, тканях и фасонах.

Они минут пятнадцать непринужденно болтали о том, как трудно сейчас найти в магазинах модную одежду хорошего качества по разумной цене, перекрыв голодным клеркам дорогу к сэндвичам.

Лишь когда помощник менеджера вежливо попросил их перейти в более удобное место, рокер протянул ей свою визитную карточку и спросил, не хочет ли Марго работать у них. Через пять минут она подала заявление об уходе из ненавистной компании спортивной одежды.

Это произошло двенадцать лет назад, и Марго до сих пор плодотворно трудилась и удовлетворяла свои творческие амбиции в «Айви и Перл». Компанию Дерек и Тэнси назвали в честь своих матерей. До открытия своего дела супруги работали в магазине «Sex», детище Вивьен Вествуд и Малькольма Макларена на Кингс-Роуд, где продавали эпатажные фетишные наряды и бондажные платья панкам еще до того, как этот стиль официально сформировался.

Со временем Дерек и Тэнси отказались от неприличных слов на футболках и перешли к более классической эстетике. Дважды в год они выпускали небольшую капсульную коллекцию платьев, костюмов и домашней одежды, которые продавали в своих бутиках в престижных районах, от Примроуз-Хилл до Челтенхема и Харрогейта и дальше на север, юг, восток и запад. Интернет-бизнес набирал обороты, более дорогие модные сети увеличивали свою долю на рынке, планировалось расширение, и Марго играла в нем важную роль. Она первой ввела использование принтов, курировала новую коллекцию ночных сорочек и пижам, а также аксессуаров для дома и даже убедила Тэнси каждый сезон выпускать лимитированную коллекцию ароматических свечей. В самом деле, кто не любит подушки, покрывала и ароматические свечи? А главным своим достижением Марго считала внедрение больших размеров, по двадцатый включительно – до ее прихода компания ограничивалась скромным четырнадцатым.

Более того, в Дереке, Тэнси и их команде Марго нашла то, что Армистед Мопин называл «логической семьей». Людей, близких не по крови, а по духу.

Сидя на камне, Марго наблюдала за тремя моделями разной весовой категории и этнической принадлежности, плещущимися в прибое испанского пляжа в довольно скромных бикини, танкини и слитном купальнике с летним рисунком: цветы стрелиции на черном или белом фоне.

Красный, как помидор, Дерек, хотя Марго постоянно напоминала ему нанести крем от загара, выступал в роли арт-директора съемки, время от времени прося Марго внести свою лепту, а в основном она нежилась на солнце и сочиняла текстовое сообщение Уиллу. По пунктам.

Правда, пункты с галочками лучше смотрелись бы в электронном письме, однако Уилл не дал ей свой электронный адрес, только телефон, да и то со скрипом. И все-таки он присматривал за Флорой, ее любимой собакой. Пусть всего шесть дней, но эти шесть дней очень важны для собаки, подвергшейся жестокому обращению, которую бросили, поместили в муниципальный приют, а затем держали в клетке.

Новая жизнь Флоры будет просто сказочной – Марго уже записала ее в салон для собак на мытье с шампунем и маску из голубики. Тем не менее эта неделя тоже должна быть сказочной, чтобы ее питомица не получила еще большую психологическую травму. Марго подозревала, что Уилл не слишком проникся идеей ухаживать за Флорой, а ведь он, как временный хозяин, должен обеспечить своей подопечной максимальный комфорт.

Их короткое знакомство произошло при беспрецедентных обстоятельствах. Марго никогда еще не знакомилась с мужчинами, захлебываясь слезами и соплями, особенно с такими привлекательными.

А не слишком ли он красив? Мать предостерегала ее от чересчур красивых мужчин, утверждая, что все они слабохарактерные. Значит, надо поменьше думать об Уилле, который зачесывает свои густые золотисто-русые волосы назад, чтобы они не отвлекали внимания от правильных черт лица, от губ, которые не утратили бы своего очарования, если бы он почаще улыбался. Правда, когда он улыбнулся, встретившись с ней взглядом, Марго показалось, что между ними проскочило что-то вроде искры, но все закончилось, едва она успела перевести дыхание. А теперь она даже не могла вспомнить цвет его глаз, потому что не хотела пялиться. Наверное, он привык, что женщины ему на шею вешаются.

Кроме того, он показался Марго чуточку высокомерным, точно считает себя лучше других. Может, просто лицо такое? Бывает ли у мужчин стервозное лицо? Вспомнив, как Уилл смотрел на нее с высоты своего роста, Марго решила, что вполне. Правда, она стояла на коленях, а он не виноват, что такой высокий. Но зачем было коситься на нее, поджимать губы, как будто он пробует на роль мистера Дарси из «Гордости и предубеждения»?

А может, она все это себе надумала? Почему же тогда он не отвечает?

С тех пор как Марго отправила Уиллу предыдущее сообщение, прошло двадцать четыре часа, а он до сих пор не ответил на многочисленные вопросы по пунктам списка. Марго рассудила, что одно большое текстовое сообщение лучше, чем много-много маленьких. Так считал Джордж и даже ее некоторые лучшие подруги.

«Как там Флора?

Она привыкла к новому месту?

Она все еще нервничает в твоем присутствии?

Как она спала?

Она что-нибудь ела?

Она приучена не пачкать в доме?

Если не трудно, пришли фотографии.

Ты уже ходил с ней на прогулку? Как она ходит на поводке?

Еще хотела попросить: купи, пожалуйста, натуральное кокосовое масло (я возьму стоимость) и начни втирать в проплешины.

Она такая же очаровательная?

Я в Португалии и знаю о разнице во времени, но с нетерпением жду ответа. И не забудь фото!»

Прошел ЦЕЛЫЙ ДЕНЬ, а Уилл все еще не ответил! Какой грубиян!

Собрав в кулак силу воли, Марго решила дать ему еще двадцать четыре часа. Она уже знала, что не у всех людей так развито чувство ответственности, как у нее самой. Об этом не уставала повторять ей и Трейси.

– Если ты отвечаешь на сообщения в течение пяти секунд, это не значит, что так обязаны делать все. Люди есть люди. Им свойственно ошибаться.

Скрепя сердце, Марго решила потерпеть до следующего дня. В конце концов, ей тоже надо было спать. Тем временем она подписалась на всех стаффордширских бультерьеров, которых нашла в Инстаграме, и прикидывала, как назовет будущий аккаунт Флоры (стаффордширка Флора звучало как-то тупо) и каким он будет. Нет, ну сколько можно ждать? На следующее утро пришлось отправить новое сообщение.

«Прошло сорок восемь часов, и я схожу с ума от беспокойства!

Как Флора?

Надеюсь, не случилось ничего плохого. Она ведь у тебя?

Пожалуйста, отправь фото!»

6

Уилл

Когда на телефон пришло новое сообщение (наверняка от Марго, с многочисленными пунктами), Уилл вздрогнул. Он не мог отключить уведомления, поскольку ждал сообщения от своей сестры Роуэн с подсчетами, сколько примерно цветов потребуется на две свадьбы и корпоративный прием.

Оторвав взгляд от телефона, он принял спокойный и беспристрастный вид и взглянул на Флору.

Он не ответил на послание Марго, полное вопросительных знаков, поскольку не мог сказать ничего утешительного. Собака находилась в его квартире уже тридцать шесть часов и за все время ни разу не вышла из-под стола. Уилл обращался к ней самым ласковым голосом, становился на четвереньки, даже сварил курицу и предлагал ее Флоре на вытянутой руке – все тщетно.

Просидев все утро на форумах собачников, Уилл составил расписание: прогулки, кормления, игры, отдых, чтобы Флора скорее привыкла к новой обстановке. На сайтах говорилось, что привычные действия помогают установить безопасные, надежные границы, вот только Флора была не в курсе. Она не просилась гулять, то есть не ходила в туалет ни по-маленькому, ни по-большому. Хотя меньше всего Уилл переживал за чистоту недавно отциклеванного деревянного пола.

Она даже не спала. Просто сидела под столом, опустив голову и дрожа от страха. Именно этим занималась Флора, когда позвонила Белинда из приюта – та, что в очках – узнать, как он справляется.

– Полный провал, – сказал Уилл, не беспокоясь, что признает себя побежденным и сдастся при первых трудностях.

Его мужская гордость как-нибудь переживет, а вот Флора...

– Я начинаю думать, не лучше ли было оставить ее у вас. Там она выглядела не такой напуганной.

– Ну, прошло всего несколько часов, – помолчав, сказала Белинда.

На самом деле прошло двадцать два часа. В ту ночь он даже не ложился в постель, а так и сидел на полу, чтобы Флора его видела, на случай если она еще больше испугается, оставшись в одиночестве.

– Дайте ей привыкнуть, не давите на нее, – продолжала Белинда.

– Она даже на прогулку не хочет, – пожаловался Уилл.

– Ну, собаки могут задерживать мочеиспускание до сорока восьми часов, – сказала Белинда. – Это плохо, но не смертельно. Возможно, ей просто передается ваш стресс. Попробуйте не обращать на нее внимания.

Игнорировать живое существо, находящееся в столь отчаянном положении, было непросто, тем не менее Уилл решил покинуть свой пост и прилег на диван.

К счастью, никто не звонил ему с просьбами решить неотложные вопросы, возникшие в компании «Блум и семья», которая являлась поставщиком цветов с 1936 года. Он сказал матери, что возьмет два дня, чтобы привести в порядок бумажные дела, и действительно собирался этим заняться. Обойдутся без него, разве только начнется внезапный ажиотаж на рынке смешанных букетов.

По причинам, в которые Уиллу не хотелось вдаваться, он решил пока не сообщать родным, что в его доме находится собака, пережившая психологическую травму. Вместо этого он

взял с кофейного столика бухгалтерскую книгу, верхнюю в стопке, и со вздохом открыл на первой странице.

Перед его взором предстали аккуратные ряды цифр, написанные твердой рукой бабушки Морин. Уилл вновь испустил тяжелый вздох. Морин Блум, которую все называли Мо, умерла чуть больше года назад, и с тех пор все пошло наперекосяк. Великая Мо. В тринадцать лет он перерос бабушку на целую голову, но при росте полтора метра вместе с тапочками («чепуха, мой рост почти метр шестьдесят») она казалась гигантом.

Фантастическое обаяние и улыбка, от которой становится светлее – пустая банальность, если только вы говорили не о Мо Блум, а если о ней, то была чистая правда. Она была солнцем, вокруг которого радостно вращались остальные члены семьи. Мо отличалась добротой и великодушием, и в то же время все знали, что с ней шутки плохи. Далеко за семьдесят, с протезом бедра, она погналась за мужчиной, который пришел за букетом красных роз и хотел сбежать, не расплатившись.

– Нельзя доверять мужчине, который покупает красные розы, – пропыхтела она, когда продавец рыбной лавки на углу остановил злоумышленника, вылив на него ведро помоев. – От такого добра не жди.

Она боготворила внуков: Уилла, Роуэн, потом – Сейдж, а еще позже – Сэма и Гарри, близнецов Роуэн. Клиенты обожали Мо, а муж, Берни, просто души в ней не чаял. За шестьдесят лет совместной жизни Берни с Мо провели врозь всего три ночи – когда она рожала Амариллис, мать Уилла, единственным бунтарским поступком которой за всю жизнь стала просьба «если вас не затруднит, называйте меня Мэри».

Когда Мо умерла от рака поджелудочной железы – сгорела за три недели, – для всего семейства как будто погас свет. Жизнь повернулась к ним своей самой неприглядной стороной. Даже цветы в магазине утратили свой аромат.

Берни превратился в жалкую тень самого себя. Не выдавая своих чувств, он надевал костюм и приходил на работу, но без любимой его жизнь утратила искру, блеск в глазах пропал. Через три недели после похорон жены он мирно скончался во сне. Когда ушел и Берни, из семьи словно вынули сердце и душу. Мэри не могла заполнить пустоту, которую оставила после себя Мо. И уж тем более не мог заменить Берни ее второй муж Ян, отец Сейдж и отчим Уилла с Роуэн.

Роуэн хватало забот со своей семьей, а восемнадцатилетняя Сейдж была оглушена горем. Разгребать многочисленные проблемы бизнеса, которые при живых бабушке и дедушке решались сами собой, пришлось вернувшемуся из Нью-Йорка Уиллу, который сидел на антидепрессантах, не справляясь со своими собственными.

Финансовая сторона выглядела удручающе. До встречи с Берни Мо работала бухгалтером в компании, организующей праздники. После замужества она взяла на себя бухгалтерию и все шестьдесят лет следила за каждым пенсом.

Мэри делала все, что могла, хотя больше понимала в цикламенах и цинниях, чем в цифрах. К тому же их бухгалтер ушел на пенсию сразу после смерти Мо. Мэри забыла подать документы в Регистрационную палату и получила штраф. Уилл, который привык иметь дело с куда большим количеством нулей, неохотно согласился взять на себя счета, но только до тех пор, пока Мэри не найдет бухгалтера.

Сейчас он просматривал последнюю папку, заполненную Мо, только чтобы не переходить к журналу за текущий год, который Мэри начала вести в январе и благополучно забросила в феврале. Зато она вложила туда кучу квитанций и непонятных бумажек с цифрами, просто чтобы показать, что старается.

Назавтра Уилл планировал отвезти всю эту ахинею бухгалтеру из Кэмдена, которого ему порекомендовали. Флору придется взять с собой. Только вот как выманить ее из-под стола на встречу с бухгалтером, если она отказывается даже выйти по нужде, он пока не придумал.

Неожиданно для себя он услышал цокот когтей по деревянному полу, и Флора показалась из-под стола. Уилл не осмеливался даже моргнуть. Держась как можно ближе к стене, собака прошла по комнате, добралась до прихожей и села перед входной дверью.

Уилл вскочил и вышел в прихожую. Собака посмотрела на него изучающим взглядом – впервые с момента своего прибытия.

– Ты хочешь гулять? – ласково спросил он.

Глупый вопрос – она определенно хотела.

На приставном столике возле двери лежали потертый поводок, пакеты для уборки за собаками и кулечек с лакомством, оставленные девушкой из приюта. Уилл схватил амуницию, встал на четвереньки и подполз к терпеливо ожидающей Флоре.

Он не хотел возвышаться над собакой, чтобы та вновь не спряталась под стол, и решил, что нужно находиться на ее уровне. Пристегивая поводок, он нечаянно задел собаку рукой, и она дернулась.

– Извини, Флора, – пробормотал он, – я больше не буду.

Собака встала и начала спускаться по лестнице, осторожно ставя лапы. Открывая дверь, Уилл молился, чтобы его не заметили из магазина. Судьба сжалась над ним: перед витриной, где стояли вокруг старого велосипеда ведра с цветами, не было ни души.

Уилл думал, что Флора задерет ножку у первого же столба, но нет. Деревья, мимо которых они проходили, ей тоже не понравились. Она целеустремленно трусила вперед, поджав хвостик.

– Ну же, Флора, давай, сколько можно терпеть, – в отчаянии прошептал Уилл.

Лишь когда они вышли на травянистую полянку, Флора присела (он только сейчас вспомнил, что задирать ножку свойственно кобелям) и оросила английскую землю. Она сделала это с таким робким выражением, что Уилл отвернулся, не желая ее смущать.

Лишь на третьем газоне Флора наконец сходила по более важному делу. Уилл никогда не думал, что его так обрадуют собачьи какашки, которые надо собирать в пакетик.

Они находились на равном расстоянии между дворцом Александры с прилегающим к нему парком и старой железной дорогой, превратившейся в тропу, которая вела в Хайгейт-Вудс, а Уилл где-то вычитал, что стаффордширские бультерьеры должны гулять каждый день не менее часа, однако Флора имела на этот счет свое мнение. Она развернулась на сто восемьдесят градусов и потянула Уилла назад к дому.

Оказавшись в квартире, собака вновь нырнула в укрытие. Уилл вздохнул и пошел за старыми полотенцами и одеялами. Если хочет сидеть под столом, пусть ей будет комфортно.

Так прошло два дня. Встречу с бухгалтером он отложил до лучших времен. Когда он брал в руки поводок, Флора осторожно выходила в коридор. Но в пятницу утром Уилл и Роуэн должны были встретиться с клиентом в Шордиче. Он боялся оставлять Флору в одиночестве на несколько часов и брать ее с собой тоже не хотел. Оставалось одно.

– Боже всемогущий, какой здоровенный пес! – воскликнул Ян, когда Уилл вошел в магазин, таща за собой едва передвигающую ноги Флору.

Ян, затаенный в лайкру, раскраснелся, а поредевшие волосы блестели от пота – явно уже закончил свою ежедневную десятимильную гонку на велосипеде.

– Это не он, а она, и она не здоровенная, а ширококостная, – вступился за Флору Уилл.

В это время из подсобного помещения вышла мать – там она всегда занималась букетами.

– Привет, мам, познакомься, это Флора.

Мэри Блум испуганно моргнула, точно не веря своим глазам.

– О нет, Уилл! Где ты это взял?

– Меня попросили присмотреть за ней пару дней, – сказал Уилл, рассматривая цветы.

Внутри магазина они держали самые дорогостоящие цветы и горшечные растения. Кроме того, там стояло несколько стенов с открытками и полки с подарками на цветочную тему,

от ароматических свечей до всевозможных сосудов, куда можно поставить букет. Стекланные вазы в форме сов, крошечные эмалевые вазочки, симпатичные фарфоровые кувшинчики, которые выискивала его младшая сестра Сейдж в благотворительных магазинах.

Кстати, найти общий язык с Сейдж было бы легче, чем с Мэри, которая запустила пальцы в пушистые светлые волосы и пробормотала себе под нос:

– Надо же додуматься, без предупреждения притащить сюда собаку.

– Где Сейдж?

– На доставке, – сообщил Ян, взгромаждаясь на высокий табурет, доставшийся ему по наследству от Берни. – Скоро вернется. Сказать, чтобы позвонила тебе?

– Мне надо съездить по делам на пару часов, и я хотел, чтобы вы присмотрели за Флорой, – сказал Уилл, потянув за поводок, но его питомица уселась на пятую точку и, как обычно, опустила голову.

Когда он хотел погладить собаку по голове, та испуганно отшатнулась. Что ж ты меня позоришь, Флора?

– Пусть побудет в подсобке. Она никому не мешает. Она вообще ничего не делает, просто сидит. У нее психологическая травма.

– У меня в подсобке? – у Мэри вытянулось лицо. – А вдруг она меня укусит? Или клиента? Наша страховка этого не покрывает.

Ян с трудом спустил ноги на вымощенный каменными плитами пол (видно, перезанимался спортом) и поманил Флору пальцем.

– Зря стараешься, она не любит мужчин, – заявил Уилл, но Флора сделала несколько шагов к Яну.

– Он, конечно, здоровый, но милый, – решил Ян, когда Флора села и положила лапу ему на колено. – Не забудь оставить для него лакомства.

Нет, это просто смешно! Приближаясь к сорокалетию, Уилл, как и всякий мужчина его возраста, знал победы и поражения (чаще последнее) на любовном фронте. Его отвергали не однажды, но никогда ему не было так больно, как в случае с этой несчастной недокормленной собакой, которая, как выяснилось, не имеет ничего против мужчин, а только против него лично.

Слабым утешением стало даже успешное подписание годового контракта с крупнейшим агентством по организации праздников в Шордиче, которое устраивало самые модные и пышные свадьбы в округе. В старые времена, когда Уилл подрабатывал в семейном магазине после уроков и по выходным, на свадьбу заказывали пару букетов, бутоньерки, центральное украшение для праздничного стола и, если позволял бюджет, гирлянды в церкви.

Теперь все изменилось до неузнаваемости. Люди хотели украсить свадьбы и торжественные приемы цветами во всех мыслимых и немыслимых видах. Цветочные арки, каскады зелени, свисающие с потолка в банкетном зале, цветочные стены, на фоне которых могут фотографироваться гости. Два года назад Уилл вложил в семейное дело небольшую сумму, чтобы Роуэн могла превратить пустующее хозяйственное помещение в студию и наняла небольшую команду, которая увеличивалась в размерах с приближением свадебного сезона. Уилл гордился младшей сестрой, возрождающей семейное дело, но сейчас думал о другом.

– Я знаю, у нее была трудная жизнь, и неукоснительно соблюдаю ее границы, а она меня знать не хочет. А с Яном, который считает ее кобелем, она подружилась за две секунды, – пожаловался он сестре на обратном пути.

– Я что-то не поняла, ты о собаке говоришь или о своей последней пассии? – поддразнила его Роуэн.

Они выходили из модного винного магазина через дорогу от «Блумов» с двумя бутылками просекко, собираясь отпраздновать хорошую новость с командой Роуэн.

– Ничего смешного, – фыркнул Уилл, схватив сестру за руку и дернув назад – та чуть не шагнула под автобус.

– Ах да, это не может быть девушка, ведь ты ни с кем не встречался после Нью-Йорка, – подумала вслух Роуэн, идя за Уиллом к пешеходному переходу в двадцати метрах. – Честно говоря, у меня в голове не укладывается, что ты согласился приютить собаку по просьбе совершенно незнакомого человека.

– А что в этом такого? – обиженно спросил Уилл.

Роуэн пожала плечами. Дни становились все короче, уже включили фонари, и светлые волосы сестры тускло поблескивали в их свете. Насмешливая улыбка и задорный огонек в глазах не слишком подходили к ее мягким, тонким чертам. Мо всегда говорила, что Роуэн похожа на альпийскую молочницу, и лучше бы Мэри назвала ее Хайди.

– Как-то непривычно, ты – и вдруг собака. Не верится, что ты внезапно захотел собаку. После того, что случилось с Матли. Я до сих пор иногда плачу, вспоминая о нем, – сказала она.

– Я тоже, – вздохнул Уилл.

– Мне показалось странным не то, что ты решил кому-то помочь, а то, что решился взять собаку. Кстати, о помощи: ты бы не мог зайти к нам поменять лампочку?

– А как же равноправие полов? Попробуй сама или в крайнем случае попроси Алекса.

– Ты что, у него голова кружится, даже когда он стоит на платформе в метро, – любовно отозвалась Роуэн о муже. – А лампочка – на лестничной клетке. Одно неосторожное движение на стремянке – и он сломает себе шею. Не вызывать же из-за такого пустяка электрика. Я могла бы попросить Яна, но он и так помогает со многими вещами: позавчера сконструировал навес для свадьбы, а денег брать не хочет.

Раньше их отчим держал хозяйственный магазин через дорогу от Блумов – там они с Мэри и познакомились. Он был мастером на все руки. Недавно он ушел на пенсию и теперь посвящал все время езде на велосипеде, его ремонту и разговорам о езде на велосипеде и его ремонте с такими же любителями велосипедов. В свободное от велосипеда время он помогал в магазине и проектировал всевозможные сооружения для цветов по просьбам приемной дочери.

На этот раз они перешли дорогу без происшествий.

– Не знаю, почему я должен рисковать своей шеей, – заартачился Уилл, хотя прекрасно понимал, что в конце концов поменяет злосчастную лампочку. – У меня есть своя жизнь.

Задорные искорки в глазах Роуэн погасли.

– Правда? – с сомнением спросила она. – О, хотела спросить, как прошел твой последний сеанс с Роландом. Это он посоветовал тебе взять собаку? Она терапевтическая?

– Конечно, нет, – рассердился Уилл.

Он закончил сеансы, решив, что они больше не нужны, и предположение, что он завел собаку вместо Роланда, считал неправильным и даже обидным. Когда они вошли в магазин, «терапевтическая собака» восседала, как на троне, в плетеном кресле, которое иногда использовалось в качестве подставки для цветов. В целях безопасности кресло застелили старым пледом. Перед Флорой стояла на коленях восемнадцатилетняя Сейдж.

– Блин, она такая классная! – сказала вместо приветствия сводная сестра, даже не повернув головы. – Смотрите, что она умеет!

Сейдж протянула руку.

– Флора, дай пять.

Флору не надо было просить дважды. Она подняла лапу и тут же получила вознаграждение – кусочек непонятно чего из окровавленного пакетика.

– Фу, что это? – воскликнула Роуэн.

– Я купила ей немножко свежей печени, – высунула голову из своей обители Мэри. – У бедняжки все ребра торчат.

– Флора – идеальное имя для собаки флористов, – заявила Сейдж, протягивая своей подопечной еще кусочек сырой гадости. – Она будет нашим официальным талисманом.

– Ничего подобного, – сказал Уилл. – Я взял ее всего на неделю.

– Папа сказал, что она от тебя не в восторге, да, мам?

Сейдж обратилась за поддержкой к Мэри, но та, почувствовав, что назревает скандал, спряталась.

Согласно биографии в Инстаграме, Сейдж была «отвязной стервой, которая живет ради острых ощущений».

– Она должна жить с нами, у нас есть сад.

Это звучало вполне разумно. Мэри с мужем и младшей дочерью жили в большом доме, который купили родители Берни перед Второй мировой войной. Когда Ян с Мэри поженились, у него была своя квартира, но Мэри нравилось жить в доме, где прошло ее детство, а Ян хотел, чтобы Мэри была счастлива, и согласился переехать к ним.

Вернувшись из Нью-Йорка, Уилл тоже поселился в семейном гнезде. Его хватило на три месяца. Мэри носилась с ним, как курица с яйцом, Сейдж устраивала истерики или злилась, а с отчимом приходилось вести светские беседы о бескамерной резине и алюминиевых заклепках. Когда появилась возможность переехать в освободившуюся квартиру над магазином, пока он решит, что делать дальше, Уилл чуть не прослезился от радости.

Он все еще не знал, что будет делать дальше, но точно не собирался отдавать Флору Сейдж – ее саму еще нужно воспитывать.

– Пользуйся моментом, потому что в понедельник Флора возвращается к законной хозяйке, и я считаю часы, – сказал он.

Флора, в очередной раз проделавшая свой трюк, бросила на него укоризненный взгляд.

Час спустя, когда магазин закрылся и все разошлись, Уилл повел Флору наверх. Как только он отстегнул поводок, собака устремилась в гостиную – явно чтобы спрятаться под стол. Массируя рукой затекшую шею, Уилл последовал за ней. Боль не отпускала. Он налил свежей воды в миску для хлопьев, которую отдал Флоре во временное пользование, и решил, что собака не голодна – в гостях наелась. Заварив чай, он опустился на диван.

Надо как-то убить вечер. После возвращения из Нью-Йорка Уилл ни с кем не общался, кроме родственников. Он не поддерживал связи с одноклассниками или однокашниками из университета. Всегда предпочитал смотреть в будущее, а не в прошлое. Да только Масуэлл-Хилл – не Манхэттен, где можно заводить ни к чему не обязывающие знакомства. Он записался в спортзал – ради поддержания формы, а не для того, чтобы найти приятелей, с которыми можно коротать вечера в баре.

Хотя Уилл не страдал от одиночества – в такой семейке это невозможно, в этом году проводил много времени наедине с собой.

Его размышления прервало знакомое цоканье когтей по деревянному полу.

– Мы ведь только что гуляли, – сказал он показавшейся из-под стола Флоре. – Ты сделала все, что нужно, десять минут назад.

И тут ему в голову пришла ужасная мысль.

– А может, эта печень расстроила тебе желудок?

Собака подошла ближе. Уилл осторожно, чтобы не напугать ее, спустил ноги с дивана и встал. Флора запрыгнула на диван и улеглась на его место.

– Тебе нельзя на диван, – мягко объяснил он. – У меня правило: никаких животных на диване.

Гостья с сомнением посмотрела на него.

– Ничего личного. Просто от тебя пахнет, а диван очень дорогой. Слезай!

Уилл показал жестом, что она должна спуститься на пол. Флора встала, покрутилась вокруг себя, вновь улеглась на бархатную обивку – на самый край, подальше от Уилла, и свер-

нулась в клубочек. Несоразмерно большая голова пристроилась на подлокотнике. Флора определенно решила, что раз эти милые люди внизу терпят Уилла, то она тоже готова мириться с его присутствием.

Он собирался с духом минут пять. Наконец протянул руку и легонько погладил короткую шерсть. Флора не вздрогнула и не отодвинулась, и он продолжал ритмично поглаживать собаку, пока та не зевнула, высунув розовый язык и показав острые зубы. После этого она окончательно расслабилась и громко захрапела.

Уилл осторожно, чтобы не разбудить гостью, потянулся за телефоном. Он сделал снимок – Флора оказалась очень фотогеничной – и открыл WhatsApp, чтобы отправить фото и короткое сообщение Марго.

«С ней все нормально».

7

Марго

М

арго собиралась вырвать Флору из когтей Уилла сразу по прилету, в воскресенье после обеда. Этот красавец ответил на ее второе сообщение всего тремя словами. Чего хорошего можно ждать от человека, который не отвечает на сообщения?

Увы, план по немедленному спасению Флоры сорвала Белинда из приюта, которая настаивала на официальной передаче в понедельник на своей территории, чтобы Марго подписала последние бумаги. Приятно, конечно, что они серьезно относятся к работе и не отдают животных кому попало, но право же, легче было купить квартиру, чем взять на воспитание собаку, отчаянно нуждающуюся в любящей семье.

Марго все еще мучило похмелье после заключительной вечеринки в Португалии, на которой они отметили завершение съемок чрезмерным количеством апероля и слишком легкими закусками. К счастью, в аэропорту Станстед их ждала машина, которая должна была доставить Марго домой, подбросив по пути Дерек. Проверив телефон, Марго обнаружила сообщение от Уилла.

– Это от мужчины, приютившего мою собаку, – сказала она Дереку, который при этих словах немного побледнел, точно не мог больше выносить ее излишней. – Видимо, решил наконец ответить на мое последнее сообщение.

– На эту бесконечную простыню с делением на главы и побочными сюжетными линиями, которую ты накатала?

Дерек устало прикрыл глаза и откинулся на спинку сиденья.

– Ох, когда я уже пойму, что в моем почтенном возрасте вечернее веселье не стоит утреннего похмелья?

– Что ж ты этого не говорил, когда танцевал на стойке? – напредила ему Марго. – К тому же не все мои сообщения так многословны.

Дерек застонал, и она вновь вернулась к телефону. Может, Уилл расщедрился на еще одно фото ее обожаемой малышки? Правда, при виде Флоры, свернувшейся калачиком у него на диване, Марго кольнуло какое-то неприятное чувство. Она не сразу поняла, что немножко ревнует. Ей хотелось, чтобы Флора сворачивалась калачиком только на ее диване. «Ну ничего, будет и на моей улице праздник».

«До передачи собаки надо поговорить. Давай встретимся в Хайгейт-Вудс, на площадке перед кафе. Завтра в десять подходит?»

Очевидно, Уилл хочет рассказать о Флоре. Что она любит, чего не любит, ее привычки, как она себя ведет. Зачем им еще встречаться? А может, он хочет увидеть Марго наедине из-за той искры, что проскочила между ними в приюте? Правда, его сетевой этикет оставляет желать много лучшего...

Все время, пока она разбирала вещи, запускала стирку и заказывала для борьбы с похмельем пиццу и чесночный хлеб, ее не покидало чувство тревоги. Не прошло оно и на следующее утро, когда Марго шагала по Саутвуд-Лейн, от которой было десять минут ходьбы до Хайгейт-Вудс. Может, у Флоры чесотка или блохи, или что-то ужасное и неизлечимое? Может, она не приучена к выгулу? Или кого-нибудь укусила?

Каждое «может» было ужаснее предыдущего, и когда Марго наконец подошла к месту встречи, запыхавшись, потому что, как всегда, задержалась с выходом, она убедила себя в неизбежности катастрофы.

Для нее стало приятной неожиданностью, что Уилл с Флорой ее ждут. Марго чуть не побежала по траве. Флора заметила ее первой. Она насторожила свои прелестные мягкие ушки. У Марго затрепыхалось сердце, и она помахала Флоре. Это было смешно, но сидевший на скамейке Уилл приветственно поднял руку.

– Привет! Привет! – закричала Марго, забыв о своем обещании сохранять хладнокровие, что бы ни случилось.

Кого она хотела обмануть? Какое там хладнокровие!

– Здравствуй! Моя радость по мне скучала?

– Ничего, я как-то выжил, – сыронизировал Уилл, и Марго не поняла, флиртует он или насмехается.

Она повторила про себя аффирмацию, притягивающую счастье и позитив, и села на скамейку. Флора немедленно положила лапу ей на колено. Несмотря на неудобу и проплешины, собака выглядела гораздо бодрее и веселее.

– О господи, какая ты красавица! – воскликнула Марго и бросила укоряющий взгляд на Уилла. – Мог бы и ответить на сообщения!

– Чтобы отвечать на твои сообщения, я должен был бросить все дела, а мне надо зарабатывать на жизнь, – нимало не смутившись, ответил он.

В отличие от Марго, Уилл выглядел абсолютно хладнокровным и уверенным в себе.

Не так, как если бы знал обо всех новых ресторанах, читал книги из предварительного списка «Букера» еще до того, как его объявили, или одевался исключительно в элитном бутике на Севил-Роуд, открытом бывшим редактором журнала «GQ». Нет, просто от его вида создавалось впечатление, что Уилл плывет где-то там, в заоблачных высотах голубого неба, а она смотрит на него с грязного после ночного дождя газона.

Он даже не подумал ее успокоить или хотя бы поздороваться. Просто сидел, глядя вдаль, где собралась небольшая компания резвящихся собак и их владельцев.

«Ну и пусть, – подумала Марго. – Не больно-то он мне нужен. Я пришла сюда ради Флоры».

– Я страшно по тебе скучала, – сказала она Флоре, которая смотрела на нее своими бездонными глазами, точно понимала каждое слово. – Нам будет так хорошо вместе!

Передав это важное сообщение, Марго обернулась к Уиллу, который, услышав ее обещание, насмешливо ухмыльнулся.

– Так о чем ты хотел поговорить?

Он сидел, закинув ногу на ногу и сложив руки на груди, но сейчас наклонился вперед и властным жестом почесал Флору под шеей. Собака переключила все внимание на него.

– Мне нелегко это сказать, так что буду краток.

Можно подумать, он когда-нибудь бывал многословен.

– За время твоего отсутствия мы с Флорой привыкли друг к другу, и я хочу оставить ее у себя.

Марго сразу его раскусила. Он знал, что это будет шок, и специально оторвал пластырь одним резким движением. Наверное, думал, что Марго заплачет, начнет обзывать его нехорошими словами, объявит, что этому не бывать. А после размышлений согласится с его разумными доводами. Именно так развивались события, когда ее бросали мужчины. Только он просчитался: с тех пор кожа Марго стала в несколько раз толще. Она позволила украсть своего кота, но, черт возьми, не позволит украсть свою собаку!

Марго не заплакала. Правда, у нее от неожиданности открылся рот. Тем не менее она быстро справилась с собой, села, расправила плечи и упрямо наклонила голову, чтобы Уилл мог увидеть ее решительный взгляд.

– Нет, – твердо ответила она. – Это моя собака.

– Ты не продумала все детали, – сказал Уилл.

Марго начала раздувать ноздри, как делают драконы перед выдыханием пламени.

– Твоя работа связана с командировками.

– Я уезжаю только два раза в год. Весной, когда поеду, найму няню, – без запинки ответила Марго, всю прошлую неделю только и думавшая о том, как подстроить свою жизнь под Флору.

– Я могу каждый день брать ее с собой на работу, – заметил Уилл. – А если надо уехать...

– Ты ведь флорист? – перебила Марго. – Ты сказал так в приюте, значит, тебе надо ни свет ни заря ехать на цветочный рынок на Коламбия-Роуд...

– Я не езжу на рынок, сейчас закупки производятся в интернете...

– А по выходным ты обслуживаешь свадьбы, едешь украшать церковь, зал регистраций или что там еще, – вновь прервала его Марго.

– Я не флорист. Я управляю семейным цветочным бизнесом. Это совсем другое, – начал оправдываться Уилл, точно его обвинили в торговле наркотиками.

Марго не интересовали подробности.

– В любом случае ты слишком занят, чтобы возиться с собакой, а если хочешь завести собаку, никто тебе не запрещает. Найди себе другую.

Она похлопала рукой по скамейке, и Флора, ее милая крошка, прыгнула и села рядом с ней, подальше от Уилла.

– Могу сказать то же самое тебе, – примирительным тоном сказал Уилл. – Это все равно что искать дом, правда? Думаешь, что нашел дом своей мечты, а потом тебе показывают другой, и он оказывается еще лучше. Уверен, ты найдешь другую собаку, которая понравится тебе еще больше.

– Флора – не дом. Она разумное мыслящее существо, и я полюбила ее с первого взгляда.

Марго не собиралась говорить примирительным тоном. Зачем? Правда – на ее стороне.

– И поэтому уехала и оставила ее со мной, а она привыкла. Кроме того, я пытался объяснить, а ты меня постоянно перебиваешь...

– Я не перебивала, – сердито возразила Марго.

Как он может?

– Ты опять меня перебила, – осуждающе поднял бровь Уилл.

Марго обиженно замолчала.

– Так вот, я живу прямо над магазином, – объяснил Уилл. – Если мне надо отлучиться, Флора остается в магазине. Она не из тех, кого можно оставить в одиночестве. А ты что будешь делать, уходя на работу?

– Я уже ишу ей детский сад, – покраснела Марго.

Она действительно внесла это в список дел, только не успела начать поиски.

– А с кем ты будешь оставлять ее по вечерам?

– Буду брать с собой... – пробормотала Марго.

О вечерах она как-то не подумала.

– У меня всегда будет с кем ее оставить, – гнул свое Уилл, хотя Флора сидела рядом с Марго и даже не смотрела в его сторону.

Любой дурак заметил бы, что Марго нравится ей больше.

– Я целую неделю завоевывал ее доверие, а теперь, когда она немного привыкла, ты хочешь ее отобрать. Кроме того, моя мама и младшая сестра обожают Флору и будут рады побыть с ней в любое время.

– Очень мило, вы будете передавать ее туда-сюда, как переходящий приз, – триумфально заключила Марго. – А я собираюсь посвятить ей всю свою жизнь. Я уже взяла неделю отпуска по уходу за питомцем.

Она сама не верила, что произнесла это вслух.

– Со мной ей будет лучше, – спокойно сказал Уилл, и это прозвучало как непреложная истина.

– А я буду любить ее сильнее, – с не меньшей убежденностью возразила Марго. – Самое главное – что ее любят, и она это знает.

Они в напряженном молчании уставились друг другу в глаза.

– Ей повезло, правда? – немного смягчилась Марго и поманила Флору к себе.

Та залезла ей на руки, оставляя грязные следы на дорогом шерстяном пальто в красную и синюю клетку.

Уилл окинул взглядом многострадальную мордашку собаки, торчащие ребра и залысины.

– В каком смысле?

– Еще неделю назад она была брошенной, никому не нужной, а теперь мы чуть ли не деремся за нее.

Марго наклонилась и поцеловала Флору в голову, и та впервые повиляла хвостом. Едва шевельнула, если честно, но все-таки... Уилл тоже заметил и попытался примазаться к этому достижению, почесав Флору пальцем под шейкой.

– А давай содержать ее вместе, – неожиданно сказал он. – Отличный выход, как думаешь? Разделим ответственность, расходы и ее общество.

Марго опустила взгляд на Флору, которая блаженно закрыла глаза.

Что за чушь? Как можно поделить собаку? А вообще-то, если подумать... Она страшно беспокоилась, как быть с Флорой, если не найдется подходящий садик. А кто присмотрит за собакой, когда она будет ходить на свидания? У нее голова шла кругом, когда она мысленно подсчитывала стоимость детского сада, страховки, корма, счетов от ветеринара, а еще нужно купить подстилку, поводок, игрушки-пищалки...

Тем не менее предложение Уилла наполнило ее сердце невыносимой грустью. Возможно, потому, что когда Уилл почесывал подбородок Флоры, та закрывала глаза от удовольствия, забыв о своих страхах и наслаждаясь лаской.

«Неужели я хочу слишком многого? – подумала Марго. – Почему я не могу просто любить свою собаку и никому ее не отдавать? Зачем Флоре любить кого-то еще? Правда, изменник Перси требовал совсем мало внимания, особенно когда начал ходить по гостям, а Флоре придется уделять гораздо больше времени и сил».

– Думаю, в этом что-то есть, – отозвалась наконец она.

8

Уилл

– Вы точно хотите одну собаку на двоих? – спросила Белинда, когда ее ознакомили с планом.

– Мы оба полюбили Флору, – ответила Марго, хотя Уилл ни разу не произнес слово «любовь». – Конечно, если бы мы каждый взяли по собаке, то спасли бы две жизни, только ведь сердцу не прикажешь, правда?

– Это очень практичное решение. Меня удивляет, что другие люди так не делают, – сказал Уилл, заполняя анкету.

Разумеется, дело было не только в практичности.

«Ты ее любишь?»

Уилл не мог сказать, что любит Флору. Но когда та залезла на диван и уснула, почувствовав себя в безопасности, у него потеплело на душе. Флора ему доверяет, а значит, он хороший человек. Он давно не испытывал ничего подобного.

Эта собака (вновь оказавшись в приюте, она очень встревожилась, положила лапу Марго на колено и озабоченно заглядывала Уиллу в глаза) непостижимым образом проникла в его сердце.

С другой стороны, ему не так уж нравилось постоянно беспокоиться о Флоре – всегда быть в напряжении, всегда начеку. Особенно выбивала из колеи последняя прогулка в половине одиннадцатого вечера, хотя длилась она всего пять минут. Кроме того, собаку приходилось кормить с рук, а до этого еще найти еду, которую соблаговолит принять принцесса Флора, – она явно не хотела иметь ничего общего с сухим кормом, переданным из приюта. Он выдержал неделю, и то с помощью родных. Это ведь огромная ответственность! А один и на постоянной основе? Большой вопрос. Он был рад, что приютил Флору, и в то же время не мог дожидаться момента, когда передаст ее из рук в руки Марго – на всю оставшуюся жизнь.

А в субботу вечером, когда Флора положила лапу ему на ногу и опустила голову на колени, тлевшая в душе искра разгорелась в лесной пожар. Эта запуганная собака не просто начинала ему доверять, а сознательно искала его общества. Она прильнула к нему, как ребенок, ищущий утешения. Уилл, никогда не любивший телячьих нежностей, теперь боялся даже подумать, что это чудесное мгновение останется всего лишь мимолетным воспоминанием. Волшебство действовало в обе стороны. Когда он провел рукой по мягкой шерстке Флоры, его охватило блаженное спокойствие, все острые углы сгладились, мучительные сомнения утихли.

И хотя в тот момент он понял, что хочет оставить Флору себе, совместное владение казалось теперь вполне разумным решением. Даже если придется делить Флору с Марго, которая, на его взгляд, страдала повышенной эмоциональностью.

Все прошло быстро. Белинда изменила данные на микрочипе и спросила, кто оплатит благотворительный взнос.

– Я, – сказали они одновременно.

– Правда, я заплачу, – повторила Марго, как будто оплата гарантировала ей законные права на Флору.

– Заплатим оба, и дело с концом – предложил Уилл, который всю свою жизнь разрабатывал стратегии и компромиссы для достижения оптимальных результатов и не мог позволить Марго взять верх. – Мы ведь оба берем собаку.

– Две недели назад Флору стерилизовали, так что она может отправляться на свободу, – сказала Белинда, вставая из-за стола. – Вы готовы, юная леди?

Сначала сделали фотографии для социальных сетей. Флора категорически отказалась сидеть на руках, так что Марго с Уиллом пришлось сесть рядом с ней на корточки. Ему страшно не хотелось фотографироваться, но пришлось даже улыбнуться в камеру.

Потом был «путь к свободе»: все волонтеры выстроились в ряд и проводили Флору в новую жизнь бурными аплодисментами.

– Я не плачу, – сказала сквозь слезы Марго, когда Уилл открыл перед ней дверь. – Отстань.

– Я и не говорил, что ты плачешь, – ответил он.

Как будто не видно, что она плачет. Уилл никогда не встречал таких чувствительных людей. Тяжело ей, наверное.

– Тебя подбросить?

– Да, если не трудно. И нужно ведь обсудить совместную опеку, – сказала Марго, идя за ним к машине – универсалу «Вольво» с логотипом «Блум и семья», который Берни купил тридцать лет назад. – По неделям? И что с ветеринаром? И чьи данные будут на ошейнике? И еще я хотела сразу купить все необходимое. Лежанку, одеяла, все такое.

– Я составил подробный список. Сейчас сброшу.

Уилл достал телефон. Он надеялся, что передача собаки закончится час назад. Кроме того, он думал, что будет единственным опекуном Флоры, и теперь трудно было перестроиться.

– Я собирался заглянуть в большой зоомагазин в Фрерн-Барнет. Это по пути.

Открыв список, Марго изумленно вытаращила глаза.

– Ого, целых две страницы! Неужели столько всего нужно одной собаке? – спросила она, потому что, в отличие от Уилла, не провела никаких исследований и понятия не имела, что означает быть ответственным хозяином собаки.

– А ты как думала? – сказал Уилл. – И это еще не все. После встречи с ветеринаром будут добавления – витамины, пищевые добавки, не говоря уже о глистогонных таблетках и средствах от блох.

– Блохи – это совершенно недопустимо. Ладно, значит, нам надо умножить твой огромный список на два, – упрямо наклонила голову Марго.

Надо же, а с виду такая мягкая. Даже голос мягкий, несмотря на безапелляционный тон.

– Чтобы не приходилось таскать все туда-сюда, – продолжала Марго. – Ты составил прекрасный список, но Флора и моя собака, я тоже хочу решать, что ей нужно.

Чтобы не нервировать совладелицу, Уилл не стал спорить, когда Марго выбрала две лежанки стоимостью почти как его собственная кровать. Ортопедические матрасы с эффектом памяти, съемные чехлы из искусственного меха, которые можно стирать в машинке – в общем, они стоили каждого пенни.

Он не выдержал, когда Марго выбрала шесть розовых флисовых одеял.

– А обязательно брать все розовые? Не то чтобы я сомневался в своей мужественности (он мог поклясться, что Марго насмешливо подняла идеально изогнутую бровь), но не слишком ли много розового?

Обозрев две тележки, заваленные всяким добром, Марго опустила взгляд на Флору, которая с довольным видом семенила за ними, не спеша высказываться по поводу своего любимого цвета.

– Ну ладно, пусть не все.

– И еще, почему на всем должны быть отпечатки собачьих лап и косточки? – задумался вслух Уилл, когда Марго с сомнением на лице взяла с полки кожаную шлейку с заклепками.

Уилл отобрал у нее шлейку и вернул на место.

– Терпеть не могу, когда такое надевают на собак. Как из магазина садо-мазо.

– Согласна.

В конце концов они нашли компромисс, купив красно-белые ошейники с поводками и красные шлейки.

После этого долго выбирали игрушки и наконец добрались до стеллажей с едой.

– В твоём списке упоминается рацион из сырого мяса, – сказала Марго, – но у меня не хватит места в морозилке.

Уилл потрясенно обвел взглядом стеллажи с сухим кормом и собачьими консервами и холодильники с натуральными кормами. Вот куда надо было инвестировать средства!

– Если ты не против, я бы остановилась на доставке свежей органической еды, – продолжила Марго.

Уилл понял, что если начнет возражать, то они так и не договорятся, и решил уступить. В конце концов, так лучше для Флоры. Неизвестно, какой дрянью ее кормили в прошлом.

Марго начала рассуждать о лакомствах – какие и как часто можно давать Флоре, и он перестал слушать, а просто смотрел на тележки, заваленные всякой всячиной. Боже, это происходит на самом деле. Он подписался на совместное владение собакой, купил ей гору вещей и обрек себя на постоянное общение с этой странной женщиной, которая сейчас взяла в руки пакет с бычьими палочками и воскликнула:

– Фу! Их делают из бычьих пенисов! Какая гадость, я теперь не буду целовать Флору после еды. Кстати, ты забыл включить в список зубную щетку и пасту.

9

Марго

Они наконец вышли из магазина, опустошив свои кредитки на триста с лишним фунтов каждый. У потрясенного Уилла голова шла кругом, а Марго тихо закипала от злости.

Он определенно решил отобрать у нее все самые приятные моменты владения собакой. Марго собиралась купить Флоре постельку и ошейник с поводком в чудесном бутике для собак в Хайгейте. Она предвкушала, как будет выбирать все самое-самое красивое, а вместо этого ее затащили в обычный супермаркет на кольцевой дороге. Но, поскольку Уилл теперь тоже имел права на собаку, она не могла потребовать отвезти ее прямо в Хайгейт, чтобы купить два лежака в стиле Уильяма Морриса и не спеша перебирать эксклюзивные аксессуары, которые идеально подойдут к цвету шерсти Флоры.

Теперь Уилл пытался загрузить все в машину: вещи из тележки Марго складывал на заднее сиденье, а из своей – в багажник.

– У меня система, – лаконично сказал он, когда Марго предложила помощь.

Она открыла пассажирскую дверь,пустила Флору и села сама. Судя по всему, система оказалась не слишком эффективной. Уилл несколько раз тихо выругался и быстро захлопнул багажник, пока ничего не вывалилось.

– Не возражаешь, если я сначала заброшу свои вещи? – спросил он. – Это по дороге.

Марго не терпелось попасть домой, чтобы начать праздновать свой «медовый месяц» с Флорой. С другой стороны, ее мучило любопытство, где живет Уилл и, что гораздо важнее, где будет проводить каждую вторую неделю ее драгоценная Флора.

Уилл припарковался на задворках эдвардианской торговой улочки в Масуэлл-Хилл. Флора явно знала дорогу. Выйдя из машины, она натянула поводок и выжидательно посмотрела на Марго. Уилл тем временем открыл багажник и в нерешительности остановился, не зная, с чего начать.

– Можно внести предложение? – осторожно спросила она, зная, что мужчины терпеть не могут, когда им указывают.

Ее рабочий «муж», Жак, называл это женским менсплейнингом³.

– Валяй.

– Если погрузить всю мелочь в лежак, мы, наверное, сможем отнести все за один раз, – как можно более миролюбиво сказала Марго. – Не бойся, я сильная.

– Ну, давай попробуем, – неохотно согласился Уилл, точно она предложила какую-то глупость.

Нагрузившись, как выючные ослы, они с большим трудом достигли цели. Марго наматала поводок на руку, Флора путалась под ногами, а Уилл чуть ли не бежал, стараясь как можно скорее провести их мимо магазинчика к своей входной двери. Может, он не хочет, чтобы его родные увидели совладелицу Флоры? Или все разговоры о том, что его семья влюбилась в Флору, – бесстыдное вранье? С другой стороны, зачем ему врать? Зажав в зубах новый нескользящий коврик для медленного кормления, Марго, спотыкаясь, поднималась по лестнице вслед за собакой. Уилл замыкал шествие. Наконец, поднявшись на два коротких пролета, они остановились на площадке.

– Прошу разрешения на разгрузку, – сказала она, но этот железный человек протиснулся мимо нее к двери, даже не улыбнувшись.

³ Мужская, сексистская, упрощенная и самоуверенная манера объяснять женщинам то, что им и так известно.

– Разгрузку разрешаю, – сказал он, и Марго с облегчением выпустила из рук холщовые мешки и сумки, которые Уилл взял с собой в магазин. Во всяком случае, он небезразличен к Флоре и к окружающей среде.

– Оставим все здесь, если хочешь...

– Увидеть, где будет жить Флора, когда она не у меня? Конечно, хочу, – с натянутой улыбкой сказала Марго.

«Так легко ты от меня не избавишься! Вот сейчас мы и выясним, не увлекается ли он подпольными собачьими боями и не собирается ли использовать Флору как приманку».

Если Уилл и занимался собачьими боями, то явно не в этой симпатичной квартире над цветочным магазином. Из маленькой прихожей Марго прошла в просторную гостиную с четырьмя огромными окнами, пропускающими каждый луч осеннего солнца.

Мебели было немного: огромный модульный диван с белой обивкой, стеклянный журнальный столик с острыми краями, большой телевизор над камином. Все слишком новое и современное, не подходящее для собаки. Хорошо еще, что Флора короткошерстная и частично белая – ее шерсть неминуемо окажется на диване. А об этот столик она запросто может порезаться. Марго решила повременить недельку, а потом ненавязчиво посоветовать Уиллу приобрести специальные накладки или заменить столик чем-нибудь помягче.

Широкая арка вела в кухню-столовую. Острые выступающие ручки белоснежных кухонных шкафчиков находились слишком высоко и не могли причинить Флоре вред. А вот гладкая скользкая плитка на полу действительно опасна. В обеденной зоне стоял стол, за которым могли с удобством разместиться четыре человека, а под ним, на куче тряпок, лежала Флора.

– Она здесь спит? – даже не пытаясь скрыть осуждающий тон, спросила Марго. – Под столом?

– Да, она сама выбрала место, – пояснил Уилл, входя в комнату с лежаком в руках. – Там она чувствовала себя в безопасности, и я решил ее не трогать.

– Да, но...

– Когда Флора привыкла, то полюбила лежать на диване, но теперь у нее есть своя кровать и куча одеял...

– Три одеяла – не так уж много, – перебила Марго.

– ...думаю, она будет счастлива.

Уилл оглядел комнату, не зная, куда пристроить лежак.

– Можно, я внесу предложение?

– А пока я положу постель под стол, чтобы она знала, что у нее есть безопасное место, – решительно произнес Уилл, которому явно надоели ее предложения.

– Помочь тебе разобрать вещи? – спросила Марго, решив временно воздержаться от дальнейших советов.

– Нет, спасибо, у меня много работы, – отказался Уилл.

Марго вспомнила, что уже два часа, а Флора переходит к ней только на неделю, и полдня драгоценного времени потеряно безвозвратно.

– Если я сейчас вызову «Убер», машина приедет, пока мы выгрузим мои вещи, – сказала она, доставая телефон.

Чем скорее они уедут, тем раньше начнется медовый месяц.

– Ну что ты, я вас подвезу, – натянутым голосом сказал Уилл. – Поехали?

10

Уилл

Слава богу, никто из родственников не заметил, как они с Марго покинули квартиру и вернулись к машине. Ян продолжал считать Флору кобелем. Мама утром чуть не расплакалась, поняв, что Флора не будет лежать под столом, на котором они делают букеты. А Сейдж вызвалась поговорить с Марго от его имени и сказать, чтобы та купила себе другую собаку, а Флору оставила в покое.

– Как ты справишься с собакой, если у тебя нет машины? – спросил Уилл, когда они вышли.

– Может, ты никогда об этом не слышал, но есть люди, которые умеют ходить пешком, – ядовито произнесла Марго. – Кроме того, существуют автобусы и метро. Правда, на эскалаторе животных нужно брать на руки, а Флора этого не любит. Бывают еще такси, куда можно брать собак, но я готова пожертвовать своим пятизвездочным рейтингом в «Убер» и поспорить с любым водителем, который откажется везти Флору.

Уилл заранее посочувствовал бедным водителям, которые осмелятся спорить с Марго. Флора тихо лежала в ногах у хозяйки. Он подумал, что собака с таким мягким нравом совершенно не подходит Марго, щедрой на бесплатные советы и не знающей компромиссов.

Они въехали на оживленную центральную улицу Хайгейта, где небольшие частные магазинчики: овощной, мясной, пекарня, аптека – соседствовали с супермаркетом «Теско», многочисленными сетевыми кофейнями и агентствами недвижимости.

– Моя квартира сразу за углом, на Площади, – сказала Марго, указывая рукой направо. – С парковкой у нас не очень.

Площадь, в нескольких шагах от знаменитого паба «Фляга», считалась суперкрутым местом. Жители Хайгейта называли ее просто Площадью, подчеркивая тем самым превосходство над всеми остальными лондонскими площадями. Дома на северной стороне, где жила Марго, выглядели жалкими лачугами в сравнении с великолепием викторианских особняков на южной, однако стоили целое состояние.

Уилл удивился, что Марго решила спасти из приюта стаффордширского бультерьера, а не купила пекинеса или померанского шпица.

Он приткнулся не слишком далеко от «бедного» края Площади. Не успел Уилл заглушить двигатель, как Марго выпрыгнула из машины.

– Просто выгрузи все на тротуар, а дальше я сама, – сказала она. – Тут всего четыре ступеньки вниз до моей двери.

– Не выдумывай, – сердито возразил он. – Я помогу. Я тоже хочу знать, где будет жить Флора, когда она не со мной.

– Хорошо, – сухо согласилась Марго, поняв, что попала в собственную ловушку.

Уилл не стал складывать мелкие вещи в лежак, и пришлось ходить от машины к двери несколько раз.

– Моя квартира с садом, – провозгласила Марго, отпирая дверь, выкрашенную в модный шалфейно-зеленый цвет. – Добро пожаловать в новый дом, Флора.

Она отстегнула поводок, чтобы Флора могла осмотреться, пока они с Уиллом занесут вещи.

– Я быстро распакуюсь и отдам твои сумки, – крикнула она через плечо.

– Не торопись, – сказал Уилл, осматриваясь. – Вернешь через неделю, на передаче.

Стены прихожей были бирюзовыми, а двери – дымчато-серыми.

– Это гостиная, а дальше кабинет. Можно занести все туда, я потом разберусь, – сказала Марго и кивнула на дверь в конце коридора. – Там кухня с выходом в сад. Кстати, можно выпустить Флору.

Кухня была такой маленькой, что он остановился на пороге. Марго в три шага оказалась у задней двери.

– Флора!

Собака немедленно подошла к ней. Когда ее звал Уилл, она не подходила – не считала авторитетом. А желание Марго для Флоры – закон. Собака боязливо выглянула за дверь.

Смотреть там было не на что. Под громким названием «сад» скрывался крошечный задний дворик, большей частью вымощенный плиткой. По дальней стене карабкалась выющаяся роза. Всю меблировку составляли кованый столик с двумя стульями и теснившиеся вдоль стен горшки с цветами, в начале октября утратившими былое очарование.

– Хочешь в туалет, Флора? – спросила Марго. – Только пожалуйста, не в цветы.

Собака осталась на месте.

Уилл, не любивший сообщать людям плохие новости, тем не менее почувствовал легкое злорадство.

– Флора делает свои дела только на травку, – снисходительно пояснил он.

Марго обернулась. На долю секунды облака рассеялись, и в ярком свете солнца ее жизнерадостное выражение показалось ему маской, надетой на грустное лицо. Затем она передернула плечами, словно хотела физически стряхнуть печаль, и улыбнулась по-настоящему.

– Обидно, – сказала она. – Я надеялась избежать последней прогулки, просто выпуская ее в сад, да видно, придется завести привычку бродить по Площади в пижаме и пальто.

– Эта пятиминутная прогулка в половине одиннадцатого – самое неприятное, – с жаром отозвался Уилл, которому не с кем было поделиться своими трудностями. – Ты уже расслабился, готовишься ко сну, а тут надо одеваться и куда-то идти.

– А сколько раз ты с ней гулял?

Флора отошла от задней двери. Марго заперла ее и вновь повернулась к Уиллу.

– Три раза в день. В зависимости от графика, но...

– Хочешь чаю?

«И почему она постоянно меня перебивает?»

– Прости, – немедленно извинилась Марго, точно он сказал это вслух. – У меня ужасная привычка – перебивать людей. Как только мне приходит в голову мысль, она тут же вырывается наружу. Но может быть, ты действительно хочешь чаю или чего-нибудь еще? Я знаю, у тебя дела, просто хотела расспросить, когда гулять и кормить, и договориться, как будем осуществлять передачу.

– Разумно, – слегка смягчился Уилл, хоть и побаивался, что Марго вновь начнет отдавать приказы, замаскированные под предложения. – Я собирался сбросить тебе расписание в электронном виде, но от чая не откажусь.

Марго посмотрела на полку над плитой, где стояли фарфоровые чайные банки в белоголубую полоску.

– Могу сделать травяной. Ромашка, мята, зеленый...

– Обычный черный, – сказал Уилл.

Можно было догадаться, что она и из чая устроит проблему.

– «Эрл Грей» или «Лапсанг»?

– Все равно, лишь бы крепкий.

Марго потянулась к банке.

– Располагайся в гостиной, я принесу.

Он вернулся в прихожую и прошел в гостиную. Квартира казалась крошечной. Хотя высота потолков позволяла выпрямиться во весь рост, ему почему-то хотелось пригнуться. Марго заполняла собой все свободное пространство.

Стены гостиной были выкрашены в насыщенный синий цвет, а одна из них превращена в галерею. Картины в разнокалиберных рамках, от наивных винтажных открыток до иллюстраций из старых журналов мод и образчика старинной вышивки крестиком со словами: «Тем не менее она упорствовала». Каминная полка ломилась от всякой всячины: свечи на разных стадиях использования, монашка в стеклянном снежном шаре, коллекция фарфоровых сов: от огромной до совсем микроскопической. Еще там стояла фотография в серебряной рамке – судя по темной копне кудряшек и решительному выражению лица девочки, это была Марго. Она сидела на коленях у женщины лет пятидесяти, а ее пухлая ручка сжимала пальцы пожилого мужчины, который смотрел на них с нежностью. Наверное, бабушка с дедушкой. Над камином висела большая картина, изображающая женщину с книгой, как будто из тридцатых годов. Правда, Уилл слабо разбирался в искусстве того периода. По обе стороны от камина стояли два небольших шкафчика, на одном из них – телевизор, а выше – сплошные полки с книгами.

Определить цвет дивана не представлялось возможным, поскольку на нем громоздилась гора подушек (зачем одному человеку столько подушек?), не говоря уже о покрывале и вязаном пледе, напомнившем Уиллу винтажное пончо Роуэн времен ее подросткового увлечения бохо.

В комнате оставалось место только для кресла, обитого бархатом цвета яичного желтка, тоже заваленного подушками. Чтобы сесть в кресло, пришлось их сдвинуть. Рассмотреть остальное он не успел: на пороге появилась Марго с чайным подносом в руках, а Флора шла за ней по пятам.

– Она от меня не отходит, – торжествующе произнесла Марго, ставя поднос на низкий столик перед диваном. – Я не знала, нужен ли сахар.

– Только молоко, – уверил ее Уилл и взял чашку.

Чай был как раз такой температуры и крепости, как он любил.

– Хочешь печенья? У меня есть очень крутое, – сказала Марго, протягивая тарелку. – Фисташково-сливочное из «Фортнум и Мейсон». Мне прислали в подарок люди, которые украли моего кота.

– Что? – удивленно переспросил Уилл, отмахнувшись от угощения. – У тебя есть кот?

– Уже нет, – сказала Марго, с аппетитом хрустя печеньем.

Уилл решил не уточнять. В этом феминистском раю он чувствовал себя не в своей тарелке, и не только из-за подчеркнутой женственности обстановки. Оказавшись в квартире у Марго, он словно вторгся в ее личное пространство. Выбирая вещи, она как будто руководствовалась не функциональностью, а каким-то особым смыслом и значением. Это было не просто место для жизни. Не просто дом. Здесь Марго чувствовала себя защищенной, как Флора у него под столом.

Кроме того, стоило в такой тесноте сделать резкое движение, и что-нибудь обязательно упало бы на пол, покрытый старым персидским ковром.

Флора обошла комнату по периметру, насколько позволяла обстановка, и остановилась. Она посмотрела на Уилла, а затем на Марго, жующую дорогое печенье, неуклюже запрыгнула на диван и положила правую лапу Марго на плечо, не отводя взгляда от лакомства.

– Как думаешь, можно дать ей печенье? – спросила Марго, точно ее действительно интересовало мнение Уилла, и она не собиралась, черт возьми, делать, как считает нужным.

– Лучше не надо, – сказал Уилл. – Человеческая еда может содержать токсичные для собак ингредиенты.

– Правда? Например? – скептически отозвалась Марго.

– Например, шоколад. Если она съест пакетик шоколада Cadbury, ей придется промывать желудок.

– Не может быть! – воскликнула Марго, погладив лапу Флоры. – Бедная малышка! Для меня день без шоколада – все равно что день без солнца.

– А еще виноград, изюм, лук. Я добавлю опасные для собак продукты в информационный листок.

Понимая, что Марго теперь будет считать его занудой, который хочет лишить Флору всех кулинарных радостей, Уилл продолжил:

– Ей можно давать собачьи лакомства, но только в качестве поощрения. И специальные палочки для чистки зубов.

– Ты собирался рассказать о расписании прогулок, – напомнила Марго, осторожно опуская Флорину лапу. – Нет, милая, печенья ты не получишь. Только собачье, и во время еды.

Несмотря на то что Уилл пообещал отправить информационный листок, он все же рассказал Марго, когда гулять. Утром, после обеда, причем одна из этих прогулок должна длиться не менее часа, и тот самый мучительный выход перед сном.

– С поводка я ее не спускал, – добавил он. – Боялся. Все-таки Флора находилась у меня временно.

– Может, стоит попробовать? – задумалась Марго. – Она подходит, когда я ее зову.

«Еще бы, она считает Марго самым лучшим человеком на свете, а меня просто терпит», – угрюмо подумал Уилл.

– Флора не всегда подходит по команде, – возразил он. – Она должна узнать нас поближе. Думаю, с этим надо повременить.

– Наверное, надо найти кинолога, – решила Марго. – Ты хочешь учиться? – спросила она у Флоры, которая улеглась на диван и положила голову ей на колени. – Малышка хочет спатеньки! Устала, солнышко мое!

Когда Марго обращалась к Флоре, в ее голосе появлялись сюсюкающие нотки, действовавшие на Уилла, как скрежет ногтей по школьной доске.

– Кстати, спать она должна в своей кровати, – решительно произнес он.

Флора – собака. Несчастливая, брошенная, но собака. Нужно устанавливать границы.

Марго отреагировала новой вспышкой эмоций.

– Ну как же? Она такая маленькая и незащищенная, да, моя милая, милая крошка?

Да. Границы нужно устанавливать с первого дня, иначе что эта экзальтированная дамочка сделает с Флорой? Того и гляди привезет ее на передачу в детской коляске, одетую в розовое платье с оборочками.

– Эта милая крошка храпит, как паровоз, – сказал Уилл.

Марго возмутило это клеветническое замечание, и он добавил:

– Но это сущие пустяки по сравнению с запахами, которые выходят с противоположной стороны.

– Не верю.

Тем не менее Марго посмотрела на Флору с опаской.

– Спасибо за предупреждение. Значит, установление правил прошло относительно гладко.

Уилл кивнул. Он не возражал против правил, если получалось их контролировать.

– Давай вернемся к вопросу, когда и где будем передавать собаку. Думаю, удобно делать это утром по воскресеньям, в Хайгейт-Вудс. Это примерно на полдороге между нашими домами.

– Да, – сказала Марго, теребя Флорино ухо. – Только не слишком рано. В половине двенадцатого, чтобы мы могли поваляться, да, Флора?

Он уже понял: Марго чихать хотела на правила, она будет делать все, что захочет, и разбалует Флору сверх всякой меры.

– Ну, я, пожалуй, пойду, – сказал он, допив чай, но Марго его даже не слышала. Она наклонилась и поцеловала Флорину мордочку.

– Ты такая вонюченькая. Надо сделать тебе ванну с чудесным лавандовым шампунем, а потом я тебя зацелую, – проворковала она.

Уиллу надоело быть третьим лишним. Он встал. Марго на секунду оторвала влюбленный взгляд от собаки.

– Не волнуйся, я найду выход. Вижу, вам надо побыть вдвоем.

11

Марго

Первая неделя медового месяца с собакой выдалась замечательной. Осень вступала в свои права. Дни стояли еще теплые и ясные, а по вечерам холодало, и Марго сменила тонкое летнее одеяло на осеннее.

Природа показывала свои лучшие краски. Площадь покрылась ковром из красных и золотых листьев. В витринах овощных магазинов красовались ярко-оранжевые тыквы, а под ногами валялись блестящие коричневые каштаны. Отпуск по уходу за собакой состоял из трех выходных и двух дней работы на дому – Марго работала над цветовой палитрой и разрабатывала темы осенне-зимней коллекции. Вместо того чтобы ходить по музеям или сидеть дома, листая винтажные журналы мод и перебирая образцы тканей, она вдохновлялась природой. Марго полюбила прогулки на свежем воздухе.

По утрам они с Флорой отправлялись в Хэмпстед-Хит – старинный парк между Хэмпстедом и Хайгейтом с множеством холмов и озер, по праву считающийся жемчужиной в короне Северного Лондона. Марго выросла в Госпел-Оук, в двадцати минутах ходьбы от своей нынешней квартиры, и в детстве знала парк как свои пять пальцев. Летом она целыми днями плескалась в открытом бассейне на Парламентском холме, а каждое воскресенье после обеда ходила с родителями на прогулку в Хэмпстед-Хит. Одним из самых счастливых и ярких детских воспоминаний было то, как она сидит на папиных плечах, так высоко, что видно все на много миль вокруг, точно зная, что он не даст ей упасть. Изредка они заходили в кафе, чтобы поесть сосисок с жареной картошкой и бобами, а на десерт – мороженого. Став постарше, они с подружками тусили в павильоне для оркестра и целовались с мальчишками. Как давно это было – целую жизнь назад. Марго почти не помнила себя ребенком или даже подростком.

Теперь, во взрослой жизни, она бывала в парке только летом. Короткие прогулки, иногда пикники и раз в год – купание в Женском пруду с Трейси, о котором Марго отчитывалась в Инстаграме.

В ту первую неделю они с Флорой доходили до самого Кенвуд-Хауса и ныряли в самые укромные уголки Хэмпстед-Хит, бродили по дорожкам среди деревьев, где слышно было только пение птиц, и не верилось, что ты все еще в городе. Когда-то Марго знала здесь каждую тропинку, а теперь могла только надеяться, что они обогнут Парламентский холм и выйдут к подножию Хайгейт-Вест-Хилл. Несколько раз они даже заблудились, а однажды пришлось подниматься по крутому холму до самого Хайгейта, и у Марго чуть не случился сердечный приступ.

Флора послушно трусила рядом с хозяйкой, а заведя другую собаку, немедленно ложилась на спину.

– Как не стыдно, Флора, – говорила ей Марго, – ты сильная, независимая девушка, где твое чувство собственного достоинства?

У собак были хозяева, которые любили собираться в стаи. По большей части – женщины определенного возраста, которые носили флисовые жилетки и удобную обувь, а собачьи лакомства держали в зип-пакетиках. Слухи, что появилась новенькая, быстро распространились. Флора пряталась за Марго, пока та рассказывала ее печальную историю новым знакомым.

«Ей около трех лет. Да, из приюта. Нет, ее не отдали бывшие хозяева. Флора бродяжничала в Нисдене. Не знаю, обижали ли ее, но она была в ужасном состоянии. Нет, это не следы от ожогов. В приюте сказали, что аллопеция, я втираю кокосовое масло. Нет, коноплиное не пробовала. Спасибо, что посоветовали. Да, она очень спокойная для стаффа».

Затем Марго познакомили с другими собаками: невообразимым количеством кокапу, множеством цвергшнауцеров, мопсов и французских бульдогов. В Хэмпстед-Хит были представлены все породы. Изящные венгерские выжлы, серые веймаранеры, длинноногие лерчеры, заласканные чихуахуа, всегда одетые в свитерки, и даже парочка стаффордширских бультерьеров, владельцы которых дружелюбно кивали Марго, точно принимая в секретный клуб.

Люди, никогда не жившие в Лондоне, уверяют, что это жесткий, вечно спешащий, недружелюбный город, где обитают угрюмые, неприятные личности. На самом деле это не так. Марго здоровалась со всеми соседями (даже с Кейт Мосс), а ближайшие – Дафна с Джеффом, жившие этажом выше, заменяли ей бабушку и дедушку. Она доверяла им ключ от квартиры, и они забирали ее посылки, если Марго ударялась в шопинг на eBay. Она знала всех бариста в своей любимой кофейне, продавцов в газетном киоске и двух книжных лавках, официантов в маленьком итальянском ресторанчике, где готовили правильную пасту аррабиата.

Но за неделю прогулок с Флорой число ее знакомых удвоилось, если не утроилось. Это полностью компенсировало боль в ногах, какой она не испытывала с тех пор, как сдуру записалась на велотренажер в фитнес-клуб во время обеденного перерыва.

Зато после прогулок она вытягивала уставшие ноги на диване, а Флора запрыгивала к ней. Марго могла бесконечно любоваться мягкими ушками в форме розовых лепестков, забавной морщинкой на лбу, крупной головой размером чуть ли не с футбольный мяч и выразительной мордой с подведенными черным блестящими глазами, которую она так любила осыпать поцелуями.

И еще у Флоры был мягкий голенький животик, бархатистый на ощупь, который Марго могла гладить часами, к большому удовольствию своей любимицы. Та даже не сопротивлялась, когда Марго втирала в залысины кокосовое масло, только пыталась его слизать.

В отличие от мужчин, которых Марго честно старалась любить, даже поняв, что те не отвечают взаимностью, на Флору всегда можно было беспрепятственно излить свою любовь, и та платила ей в десятикратном размере. Флора не обижалась, когда Марго отказывалась давать ей человеческую еду, и даже когда не пускала на свою кровать.

– Мы еще плохо знаем друг друга, а я тебя уже люблю, – призналась она, укладывая Флору в ее собственную постельку, очень дорогую, с ортопедическим матрасом, и подтыкая одеяло. – Тем не менее Уилл прав. Ты вонючка и храпишь, как паровоз. Ни за что не пущу тебя на свою кровать.

Флора не принимала это на свой счет. Утром, увидев опухшее спростонок лицо Марго, она радостно завилыла хвостиком.

– Это безусловная любовь в чистом виде, – сказала Марго в субботу вечером подругам, которые неожиданно появились на смотрины. Марго с Флорой дремали на диване в позе большой и маленькой ложки, как вдруг пришло сообщение в ватсапе:

«Сюрприз! Открывай!»

На пороге стояли Трейси, Джесс и Сара с подарками, тортом и розовым гелиевым шариком с надписью «У нас девочка!».

Возглавляла атаку самая старая подруга Сара. Они дружили с незапамятных времен. Сара помнила родителей Марго и прекрасное время ее раннего детства. Они вместе ходили в садик и начальную школу, пока Сара с родителями не переехала в Гонконг. В двадцать с небольшим Сара вернулась в Лондон, они нашли друг друга на Фейсбуке и с тех пор не разлучались. Трейси с Джесс вместе снимали квартиру, когда учились в Школе моды, так что с Джесс тоже было выпито несметное количество белого вина.

За годы дружбы четверка пережила многое: неудачные места работы, неподходящих бойфрендов и ужасных домовладельцев; провела вместе несколько отпусков, множество вечеров в баре и поздних похмельных завтраков на следующее утро.

Их дружбу не ослабило ни замужество (в случае Трейси), ни даже появление детей (у Джесс и Сары). Остальные подруги Марго рано или поздно находили свою судьбу и покидали Лондон. Некоторые – еще до появления детей, другие – сразу после. Они считали загрязнение воздуха и заоблачную стоимость аренды даже самого скромного жилья неподходящими для себя и своего будущего потомства.

Марго знала, что Трейси и Сара тоже могут в конце концов переехать в места с более солнечным климатом, куда-нибудь в Маргит или Гастингс. Трейси уже рассылала подругам ссылки на недвижимость в Маргите, подписанные следующим образом: «Этот огромный дом стоит дешевле, чем однокомнатная квартира в Лейтоне», а Сара заявляла, что не хочет, чтобы трехгодовалая Мейси и малыш Берти дышали смогом и боялись по вечерам выйти из дома. Похоже, останется только Джесс, коренная уроженка Лондона, никогда не питавшая склонности к перемене места жительства.

Сейчас троица в полном составе стояла на пороге, дожидаясь, когда Марго отойдет в сторону и позволит им войти.

– Привет! Вот так сюрприз! О, торт!

Толпясь в прихожей, подруги начали избавляться от пальто, и маленькая квартирка немедленно наполнилась веселой болтовней, запахом трех разных духов и любовью.

– Где она? – спросила Джесс, вручая счастливой «мамаше» коробку с тортом.

– Там, – кивнула Марго в направлении гостиной. – Флора немного стесняется незнакомых людей.

– Надеюсь, она не кусачая, – сказала Сара. – Когда ты сказала, что взяла стаффа, я испугалась. Всегда считала, что тебе больше подходит золотистый ретривер.

Саре и самой больше подошел бы ретривер, хотя ей приходилось довольствоваться карликовой таксой. В детстве Марго – крепко сложенная, с запутанными темными кудряшками и тяжелым характером, мечтала проснуться однажды утром и превратиться в Сару – длинноногую, светловолосую, изобретательную оптимистку. Марго всегда считала Сару чрезвычайно обаятельной, но только не сейчас, когда та решила оклеветать ее собаку.

– Она не кусается. Даже не лает. И это полная ерунда, что стаффордширские терьеры агрессивны...

– Да, и ты слышала, что стафферьеры считаются лучшими нянями? – подхватила Трейси, дословно цитируя одно из сообщений Марго в WhatsApp, когда та сообщила им, что вместо миленького пушистого шпица нейтральной расцветки взяла плешивую стафферьершу с психологической травмой.

– Вы грубиянки.

Марго взяла Трейси под руку, и они бочком прошли в гостиную. Посреди комнаты, насторожив уши и помахивая хвостом, стояла Флора. Правда, хвост двигался не радостно, а скорее встревоженно. Она попятилась в дальний угол и спряталась за кресло.

– Не трогайте ее, она должна привыкнуть. Поставить чайник?

– Мы ради особого случая принесли игристое, – сказала Джесс, доставая из сумки бутылку кремана. – На шампанское не хватило.

Не зная, как Флора отреагирует на громкий звук, Марго открыла бутылку в саду. Только когда все получили по бокалу вина и по куску лимонно-малинового торта из кондитерской «Колибри», Флора высунула голову из-за кресла.

Она озабоченно принялась, подкралась к Джесс, устроившейся с тарелкой на коленях на краешке дивана, тесноватого для троих, села перед ней и положила правую лапу ей на колено.

Несмотря на стеснительность, Флора прекрасно разбиралась в людях. У Джесс был самый мягкий нрав. Ее добротой бесстыдно пользовались все, кому не лень, начиная с начальника на работе. Она выглядела подростком – едва доставала Марго до плеча, а детское личико обрам-

ляло то же самое каштановое каре, что и в начальной школе. Джесс всю жизнь охотилась за нормальными, не детскими туфлями тридцать третьего размера.

– О боже, только не это, – беспомощно произнесла Джесс. – Она парализовала мою волю. Не дать ей кусочек торта просто выше моих сил.

– Нет! – так громко взвизгнула Марго, что Флора оторвалась от своего занятия и бросила на нее испуганный взгляд.

Затем она вновь жалобно посмотрела на Джесс и вернула лапу ей на колено.

– Ей нельзя человеческую еду. Мы договорились. Особенно рафинированный сахар.

Вместо кусочка торта Флора получила кучу подарков: новый ошейник и поводок с леопардовым принтом и стразами, несколько плюшевых игрушек, розовую попону с капюшончиком с надписью «Стильная сучка» и непонятную резиновую штуковину с дыркой под названием конг, похожую на отвратительную секс-игрушку.

– Что ты выдумываешь, продавец в зоомагазине сказал, что внутрь надо положить лакомства, а сверху помазать арахисовой пастой, – раздраженно объяснила Трейси. – Правда, там были какие-то резиновые палки, действительно похожие на фаллоимитаторы.

– Флоре они ни к чему, – брезгливо скривилась Марго. – У нее полно игрушек. Я рада, что вы решили устроить праздник, очень мило с вашей стороны. Судя по всему, детских смотрин мне не дожидаться. Если бы Джордж не водил меня за нос и мы не расстались, я бы уже могла забеременеть. А то и родить.

Если бы не коварство Джорджа, у нее теперь была бы совсем другая жизнь. Семья. Муж. Ребенок. Простые житейские радости, которые все принимают как должное, а ей они недоступны.

Марго тяжело вздохнула, сдерживая подступающие к глазам слезы. Она устала грустить о том, чего никогда не было.

– Джордж тебе не подходил, – заявила Трейси. – Ты замечательная, Марго, а Джордж – он...

– Не замечательный, – сердито перебила Сара. – Не понимаю, почему ты вообще остановилась на этом самовлюбленном болване. Тебе не следует довольствоваться малым.

– Иногда приходится довольствоваться тем, что есть, – сказала Марго.

Она всегда так говорила, когда кто-нибудь из подруг начинал критиковать Джорджа, который в первые месяцы был очень милым и совсем не самовлюбленным.

– Иначе ты придумываешь себе романтический идеал, которого не существует в природе, и задумываешься, не пора ли заморозить яйцеклетки.

– Эй, ты до сих пор собираешься это сделать? – спросила Джесс.

Марго хмуро кивнула.

– Ну, теперь-то у тебя есть питомица, – высказалась Сара, которая сидела в кресле, делая Флоре массаж плеч. – В самом деле, Марго, с собакой из приюта куда меньше хлопот, чем с ребенком. Уверена, что Флора не будит тебя по ночам.

Флора, как и Марго, не была ранней пташкой. Она любила поспать, и всю неделю они вставали поздно. Теперь Марго с ужасом задумалась, как будет вставать в восемь утра на работу.

– Думаете, мне легко? – сказала она, стараясь не показывать обиды, когда Сара с Джесс обменялись понимающими взглядами, как делают матери, когда люди, не имеющие детей, начинают доказывать, что их жизнь – тоже не прогулка в парке. – И все-таки отдавать ее завтра будет еще труднее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.